

КУРГАНЫ С «УСАМИ» УРАЛО-КАЗАХСТАНСКИХ СТЕПЕЙ (ТИПОЛОГИЯ И ХРОНОЛОГИЯ)

ИВАН ВАЛЕРЬЕВИЧ ГРУДОЧКО*

Ключевые слова: курганы с «усами», раннее средневековье, кочевники, степь, погребальные комплексы, керамика, вооружение, полихромный стиль, радиоуглеродная хронология
Kulcsszavak: 'bajszos' kurgánok, kora középkor, nomádok, sztyepp, temetkezőhelyek, kerámia, fegyver, polikróm stílus, radiokarbon keltezés

Иван Валерьевич Грудочко

Курганы с «усами» урало-казахстанских степей (типология и хронология)¹

В работе обсуждается типология и хронология курганов с «усами» урало-казахстанских степей. Разнообразие архитектурных форм показывает, что данные памятники часто строились вблизи объектов более ранних эпох, что повлияло на их первичную культурно-хронологическую идентификацию в рамках эпохи ранних кочевников. На современном этапе становится более очевидным, что от этой версии следует отказаться. Полученные в последнее десятилетие данные радиоуглеродного анализа в сочетании с типологическими датировками предметного комплекса позволяют относить курганы с «усами» к V–VII вв. н.э. Вместе с немногочисленными погребальными комплексами (Боровое, Кара-Агач, Канаттас и др.) они составляют культурно-хронологический горизонт, сменивший в конце IV – начале V вв. гунно-сарматский. Примерно ко второй половине VII в. относится финал традиций курганов с «усами», связанный с перемещением новых групп населения с востока.

Ivan Valerjevics Grudocsko

Az uráli és kazah sztyeppék 'bajszos' kurgánjai (tipológia és kronológia)

A cikkben a szerző az uráli-kazak sztyeppéről ismert 'bajszos' kurgánok tipológiáját és kronológiáját tekinti át. Az egyes kurgánok különböző kivitelezési formái arra utalnak, hogy ezeket a síremlékeket gyakran korábbi időszakból származó emlékekhez közel építették fel, emiatt ezeket a lelőhelyeket kezdetben a korai nomádok idejére keltezték. A kutatás mai állása szerint azonban már egyértelmű, hogy ezt a verziót el kell vetnünk. Az elmúlt évtized radiokarbon adatai és a tárgytipusok tipokronológiai elemzésének összevetése alapján a 'bajszos' kurgánokat a Kr. u. 5–7. századra keltezhetjük. A kisszámú temetkezőhely (Borovoje, Kara-Agacs, Kanattasz, stb.) önálló kulturális-időrendi horizontot alkot, amely a Kr. u. 4. század vége – 5. század eleje környékén felváltotta a hun-szarmata horizontot. Körülbelül a 7. század második felében szűnt meg a 'bajszos' kurgánokba történő temetkezés szokása, amely egy kelet felől érkező új népesség beköltözésével hozható összefüggésbe.

Курганы с «усами» являются интереснейшими памятниками раннего средневековья урало-казахстанских степей. Их открытие и начало изучения относится к первой половине XX в. На сегодняшний день исследовано около 50 памятников, однако до сих пор не утихают дискуссии

по поводу времени их сооружения, сформировавшие две основные версии: раннекочевнической или раннесредневековой. По нашему мнению, решение данной проблемы сводится к анализу двух ключевых аспектов (типологии и хронологии), чему посвящена эта работа.

* Южно-Уральский государственный университет, 454080, г. Челябинск, пр. Ленина, 76, grudochkoivan@mail.ru

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации (государственное задание 33.5494.2017/БЧ).

Курганы с «усами» распространены на огромной территории, которая в общих чертах включает Южное Зауралье, Сары-Арку (Восточная и Центральная Сары-Арка, Кокшетау и Улытау), Восточный Казахстан, Южный Казахстан и Семиречье (рис. 1. В). Среди указанных территорий наиболее насыщено Казахское нагорье, образующее водораздельное поднятие, с которого радиально расходятся водотоки Нурина, Иртышского, Балхашского, Сарысуевского бассейнов. Здесь сконцентрирована значительная часть известных и исследованных памятников. Западной известна тургайско-улытауская группа, занимающая западную часть Сары-Арки с хребтом Улытау и прилегающим на западе бассейном р. Тургай.² Памятники расположены преимущественно в верхних притоках этой реки. Зауральские памятники локализируются, в основном, в бассейне реки Иртыш на восточных склонах Мугоджар и урало-тобольском водоразделе. Таким образом, большая часть курганов с «усами» концентрируется в урало-казахстанских степях и в ландшафтном отношении занимают степную и полупустынную зоны.

Вопрос о хронологической принадлежности этих памятников стал актуальным еще в самом начале исследований. П. С. Рыков предложил связывать их со скифо-сарматскими.³ В начале их специального изучения в Центральном Казахстане А. Х. Маргулан высказал мысль о принадлежности курганов с «усами» ко второй половине I тыс. н. э.⁴ М. П. Грязнов, публикуя материалы 20-х – 30-х гг. XX в., предложил связывать их с культурой ранних кочевников.⁵ Позже его поддержал М. К. Кадырбаев. Исследователь выделил тасмолинскую культуру ранних кочевников (VII–III вв. до н. э.) и включил туда

курганы с «усами».⁶ В 1997 году А. З. Бейсеновым была защищена диссертация, где, вслед за М. П. Грязновым и М. К. Кадырбаевым, курганы с «усами» рассмотрены в контексте культуры ранних кочевников.⁷

Параллельно, во второй половине, особенно в последней четверти XX и начале XXI вв., курганы с «усами» активно исследуются на территории Южного Урала (Н. А. Мажитов, С. Г. Боталов, И. Э. Любчанский, А. Д. Таиров, В. П. Костюков и др.). С. Г. Боталовым в 1996 году был предложен кардинальный пересмотр хронологической позиции всех курганов с «усами», которые были датированы эпохой раннего средневековья.⁸ Позже выходит несколько статей И. Э. Любчанского, где обсуждается хронологическая принадлежность отдельных типов курганов с «усами».⁹ В 2006 году увидела свет коллективная монография челябинских исследователей, посвященная всем доступным на сегодняшний день курганам с «усами», где конструктивно обоснована их принадлежность к поздней древности – раннему средневековью.¹⁰

Таким образом, с 1990-х гг. формируется две основные точки зрения о времени бытования курганов с «усами»: раннекочевническая (тасмолинская) и раннесредневековая. На современном этапе казахстанские специалисты (А. З. Бейсенов, М. К. Хабдулина, И. А. Кукушкин, А. Н. Свиридов и др.) отстаивают идею о сооружении курганов с «усами» в эпоху ранних кочевников.¹¹ Так, комплекс Шедерты датирован VII–VI вв. до н. э., несмотря на нетипичность для Тасмолы найденного в нем сосуда.¹² В работе И. А. Кукушкина, посвященной семантическому аспекту происхождения курганов с «усами» связывается с тасмолинской культурой.¹³ В статье

² Усманова 1987; Чиндин 1989; Бейсенов и др. 2017.

³ Боталов–Таиров–Любчанский 2006, 10.

⁴ Маргулан 1949, 11.

⁵ Грязнов 1956, 10.

⁶ Маргулан и др. 1966, 303–402.

⁷ Бейсенов 1996; Бейсенов 1997.

⁸ Боталов–Таиров–Любчанский 2006, 13.

⁹ Любчанский 1998, 306–307.

¹⁰ Боталов–Таиров–Любчанский 2006.

¹¹ Хабдулина 2007.

¹² Пересветов 2001, 283.

¹³ Кукушкин 2004, 33.

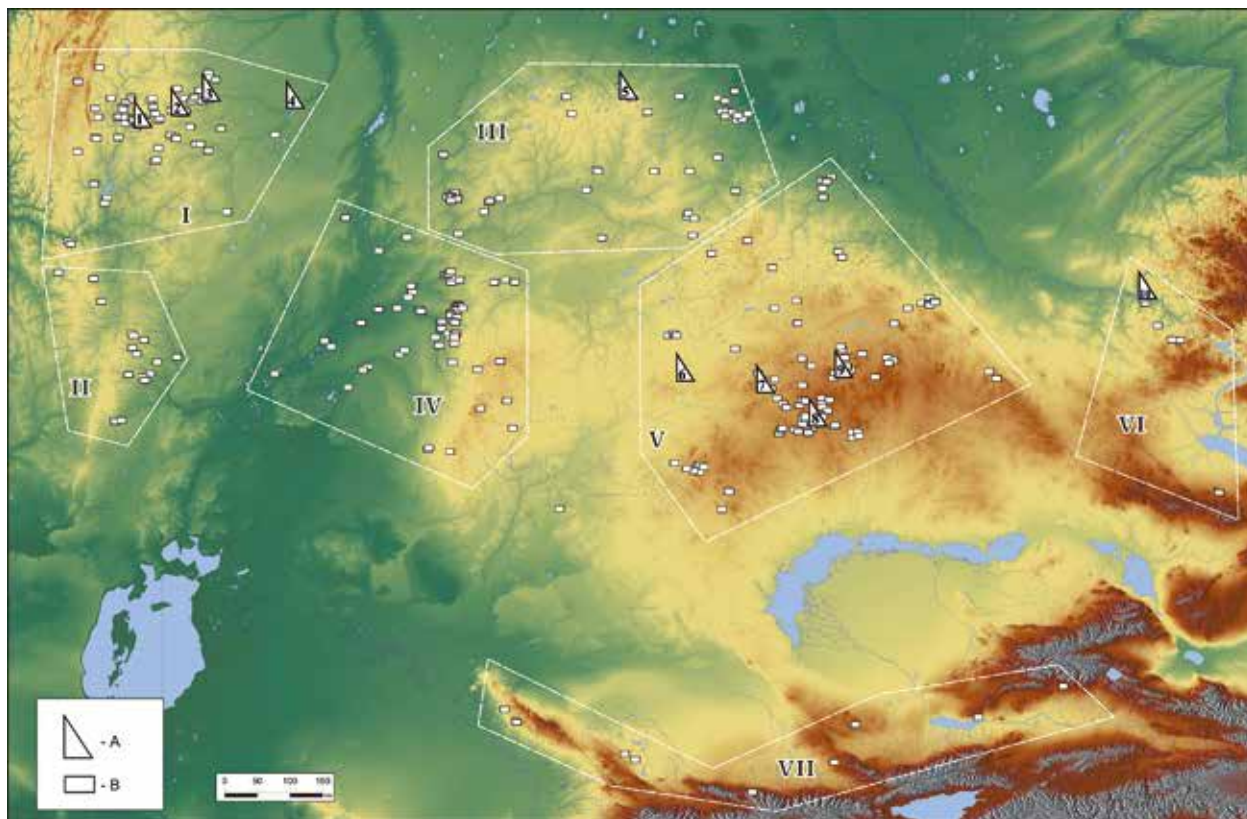

Рис. 1. Карта курганов с «усами» урало-казахстанских степей. А: Погребальные памятники; В: Курганы с «усами». Районирование курганов с «усами». I: Южное Зауралье (урало-тобольский водораздел); II: Южное Зауралье (Мугоджары); III: Северный Казахстан (Кокшетауская возвышенность и р. Ишим); IV: Западная Сары-Арка (Улытау и бассейн р. Тургай); V: Центральный Казахстан (Восточная Сары-Арка); VI: Восточный Казахстан и Северный Тарбагатай; VII: Южный Казахстан и Семиречье; Погребальные памятники V–VI вв. 1: Аркаим; 2: Каменный Амбар-5 (курганы 5, 6); 3: Городищенское IX (курган 5); 4: Халвай; 5: Боровое (Щучье); 6: Кара-Агач; 7: Енбекшил (курган 2); 8: Канаттас (курган 19); 9: Назар; 10: Зевакино (курган 1) (по Арсланова 1975; АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КАРТА КАЗАХСТАНА 1960; БЕЙСЕНОВ–ВЕСЕЛОВСКАЯ 2013; БЕЙСЕНОВ–КИТОВ 2013; БЕРНШТАМ 1951; БОТАЛОВ 2009; БОТАЛОВ–ТАИРОВ–ЛЮБЧАНСКИЙ 2006; ЗДАНОВИЧ И ДР. 2003; ГРЯЗНОВ 1956; ЗАПАДНЫЙ ТЮРКСКИЙ КАГНАТ 2013; КАДЫРБАЕВ 1959а; КОСТЮКОВ 1995; ЛЮБЧАНСКИЙ 1998; МАМЕДОВ 2015; МАРГУЛАН И ДР. 1966; ЛОМАН И ДР. 2004; ОРАЗБАЕВ 1969; СВОД ПАМЯТНИКОВ 2007; ТОЛЕУБАЕВ–БЕЙСЕНОВ–ОМАРОВ 1998; УСМАНОВА 1987; ЧИНДИН 1989; ШЕВНИНА–ЛОГВИН 2015; SAS.Planet [космоснимки])

1. kép. Térkép az uráli és kazah sztyeppen található bajszos kurgánokról. A: síremlékek; B: 'bajszos' kurgánok. A 'bajszos' kurgánok területi felosztása. I: Az Urálon túl déli része (az Urál és Tobol folyó vízválasztó területe); II: Az Urálon túl déli része (Mugodzsari); III: Észak-Kazahsztán (a Koksetau-fennsík és az Isim folyó); IV: A Szári Arka-fennsík nyugati része (Ulitaу és a Turgaj folyó völgye); V: Kazahsztán központi területei (a Szári Arka-fennsík keleti része); VI: Kelet-Kazahsztán és Észak-Tarbagataj; VII: Dél-Kazahsztán és a Hétfolyóköz; 5–6. századi síremlékek. 1: Arkaim; 2: Kamennij Ambar-5 (5. és 6. kurgán); 3: Gorogviszenszkoje IX (5. kurgán); 4: Halvaj; 5: Borovoje (Szsucsje); 6: Kara-Agacs; 7: Jenbeksil (2. kurgán); 8: Kanattasz (19. kurgán); 9: Nazar; 10: Zevakino (1. kurgán) (Арсланова 1975; АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КАРТА КАЗАХСТАНА 1960; БЕЙСЕНОВ–ВЕСЕЛОВСКАЯ 2013; БЕЙСЕНОВ–КИТОВ 2013; БЕРНШТАМ 1951; БОТАЛОВ 2009; БОТАЛОВ–ТАИРОВ–ЛЮБЧАНСКИЙ 2006; ЗДАНОВИЧ И ДР. 2003; ГРЯЗНОВ 1956; ЗАПАДНЫЙ ТЮРКСКИЙ КАГНАТ 2013; КАДЫРБАЕВ 1959а; КОСТЮКОВ 1995; ЛЮБЧАНСКИЙ 1998; МАМЕДОВ 2015; МАРГУЛАН И ДР. 1966; ЛОМАН И ДР. 2004; ОРАЗБАЕВ 1969; СВОД ПАМЯТНИКОВ 2007; ТОЛЕУБАЕВ–БЕЙСЕНОВ–ОМАРОВ 1998; УСМАНОВА 1987; ЧИНДИН 1989; ШЕВНИНА–ЛОГВИН 2015; SAS.Planet [űrfotók])

Ж. Н. Токтарбаевой освещена история изучения памятников ранних кочевников Центрально-го Казахстана, в числе которых есть курганы с

«усами». ¹⁴ В публикации нового памятника Кырыкунгир автор У. У. Умиткалиев также относит его к тасмолинской культуре. ¹⁵ Тасмолинская

¹⁴ ТОКТАРБАЕВА 2013.

¹⁵ УМИТКАЛИЕВ 2015, 109.

принадлежность курганов с «усами» кратко отстаивается в работе Л. Н. Ермоленко, Ж. К. Курманкулова, А. Д. Касеновой.¹⁶ В этой статье публикуются новые находки изваяний сакской эпохи. Одно из них обнаружено «возле кургана с «усами» № 2 в северо-западной части могильника Атасу». Другое лежало «возле выкладки, от которой отходит одна из гряд курганов с «усами».¹⁷ На основании датировки изваяний VII–V вв. до н. э. исследователи делают вывод, что факт их нахождения возле курганов с «усами» является доказательством в пользу возведения самих сооружений в раннем железном веке.¹⁸

На фоне дискуссии о тасмолинской или раннесредневековой принадлежности стали появляться первые результаты радиоуглеродного датирования, которые укладывались в раннесредневековую эпоху. Эти данные опубликованы в нескольких статьях С. Г. Боталова и обобщены в недавно вышедшем Атласе «Западный тюркский каганат», где курганы с «усами» помещены в раздел памятников середины – третьей четверти I тыс. н. э.¹⁹

Сторонник раннекочевнической версии А. З. Бейсенов в своих работах констатирует факт совпадения географии курганов с «усами» с ареалом погребальных памятников тасмолинской культуры.²⁰ В то же время автор высказывает мысль о необходимости разработки вопросов хронологии этих памятников по Центральному Казахстану: «настоятельной проблемой для данной категории памятников

является определение их культурно-хронологической принадлежности».²¹ В публикации нового кургана с «усами» Назар, где в малом (собственно, кургане с «усами») был обнаружен кинжал гуннского времени, А. З. Бейсенов по-прежнему допускает возможность впускного характера этой находки, которое, однако, по его словам, требует доказательств. «В другом случае мы в перспективе должны будем констатировать факт некоего «гуннского феномена» в степях Центрального Казахстана.²² Существует также высказанная М. К. Кадырбаевым версия о «длинной» датировке курганов с «усами» – почти в тысячу лет, которую допускает М. К. Хабдулина.²³

Таким образом, вопрос о хронологической принадлежности этих памятников остается открытым. Одной из причин разногласий является неоднозначная трактовка предметного комплекса, который с точки зрения типологии обладает датируемыми возможностями. Сторонники тасмолинской «версии» считают, что предметы I тыс. н. э. были впущены в насыпи курганов с «усами», а сторонники поздней (раннесредневековой) принадлежности полагают, что курганы с «усами» сооружались вблизи и на раннекочевнических памятниках. Кроме того, обе стороны констатируют малочисленность хорошо датированных находок. Для решения этой проблемы необходимо, по нашему мнению, еще раз обратиться к вопросам типологии, которые напрямую связаны с культурно-хронологической идентификацией этих памятников.

Типология

В 1966 году М. К. Кадырбаев на основе обобщенного им материала предложил первую типологию курганов с «усами» (рис. 2). В ее основе лежал тезис о целостности всех составных эле-

ментов комплекса, включающий: погребальное сооружение (в большом кургане), поминальное (малый курган) и «усы». Классической разновидностью он считал тип I, в котором различа-

¹⁶ Ермоленко–Курманкулов–Касенова 2015.

¹⁷ Ермоленко–Курманкулов–Касенова 2015, 26, 29.

¹⁸ Ермоленко–Курманкулов–Касенова 2015, 31.

¹⁹ Боталов 2009а; Боталов 2013, 71; Западный тюркский каганат 2013, 665.

²⁰ Бейсенов 2015, 527.

²¹ Бейсенов 2015б, 28.

²² Бейсенов 2016, 89.

²³ Кадырбаев 1959, 97; Хабдулина 2007, 189.

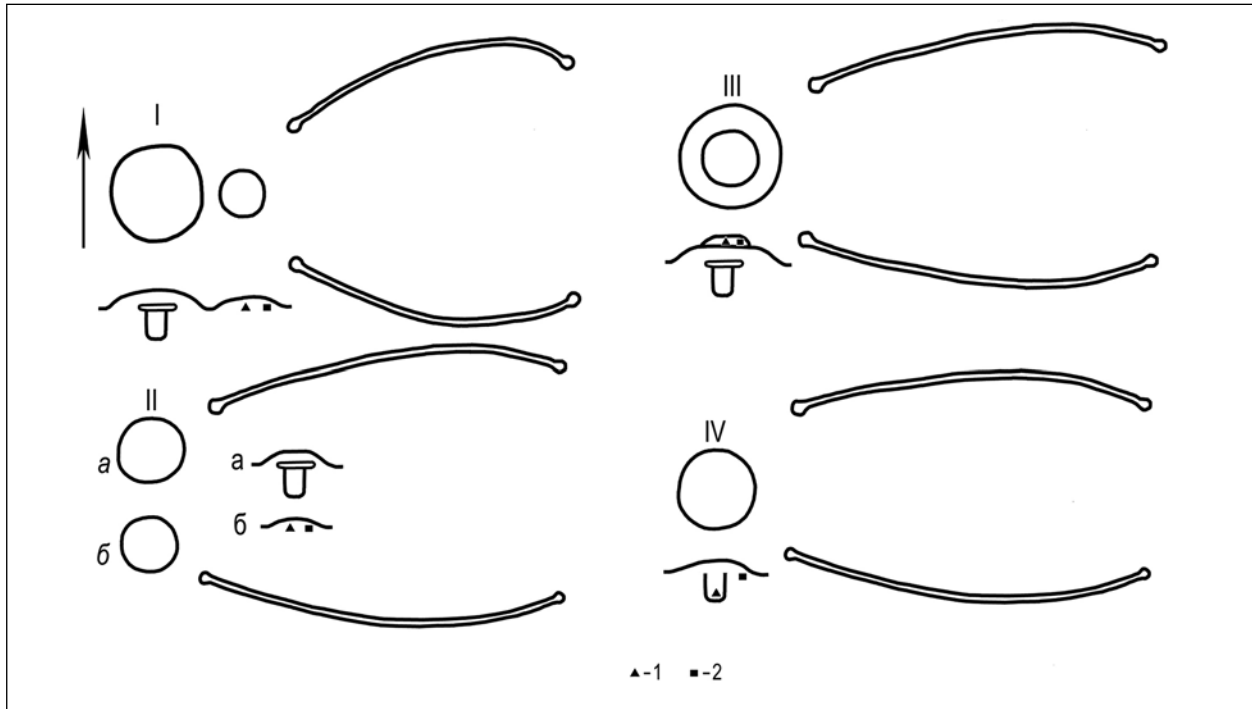

Рис. 2. Типология курганов с «усами» М. К. Кадырбаева
 1: Скелет или отдельные кости лошади; 2: Глиняный сосуд (по МАРГУЛАН и др. 1966)
 2. kép. M. K. Kadirbajev tipológiája a 'bajszos' kurgánokról
 1: Egész lócsontváz vagy szórvány lócsontok; 2: Kerámiaedény (МАРГУЛАН и др. 1966)

ется большой и малый курган, выполняющие функции цельного погребально-поминального комплекса. Остальные типы являются линиями развития типа I. М. К. Кадырбаев подчеркивал, что «рассмотрение в отдельности какого-либо элемента ведет к неверному пониманию комплекса в целом».²⁴ На этом тезисе была основана тасмолинская принадлежность курганов с «усами». Однако дальнейшие исследования и анализ материала показали, что этот комплекс имеет все-таки автономное положение относительно больших погребальных сооружений.

Эту мысль позже выскажет С. С. Сорокин в работе, посвященной околочурганным сооружениям ранних кочевников. В частности, он указал на одновременность поминального и погребального актов в кургане с «усами». В качестве примера он приводит знаменитый комплекс из могильника Тасмола, где погребение сакского

времени является ранним погребальным актом, а сосуд на древней поверхности свидетельствует о более позднем поминальном акте. Причем оба события трактуются исследователем как единокультурные, т. е. не имеющие большого хронологического разрыва между собой.²⁵

Воспользовавшись этим предположением, А. З. Бейсенов скорректировал схему М. К. Кадырбаева: «Недостаточной стороной определения М. К. Кадырбаева являлась неразработанность проблемы, касающейся простой разновидности курганов с каменными грядами, состоящей только из одного центрального сооружения».²⁶ В своей схеме исследователь выделяет три типа, соответствующие планиграфическим особенностям головных курганов (рис. 3). Ведущим типом А. З. Бейсенов обозначил тип 1 – с одной насыпью: «Именно указанная разновидность сооружений является собственно курга-

²⁴ МАРГУЛАН и др. 1966, 309.

²⁵ Сорокин 1981, 24–25.

²⁶ Бейсенов 1996, 35.

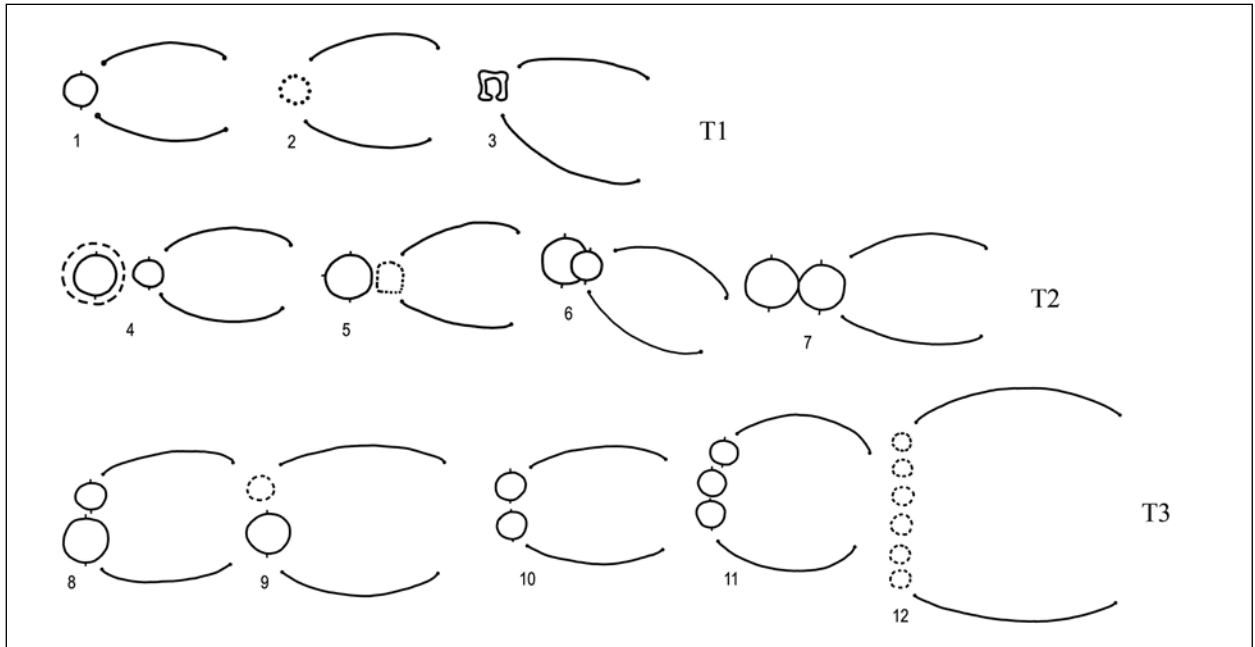

Рис. 3. Типология курганов с «усами» А. З. Бейсенова (по Бейсенов 1996)

3. kép. A. Z. Bejszenov tipológiája a 'bajszos' kurgánokról (Бейсенов 1996)

ном с каменными грядами».²⁷ Тип 1 приобретает форму типа 2, когда пристроен к погребальному сооружению с востока. Тип 3 назван промежуточным между типами 1 и 2.²⁸ Главным позитивным моментом работы А. З. Бейсенова является вывод о том, что определяющим фактором типовых различий является «автономность расположения собственно системы кургана с «усами» или привязка этого комплекса к обыкновенному погребальному сооружению».²⁹ Однако, это не ставило под сомнение тасмолинскую культурную принадлежность курганов с «усами», а все раннесредневековые комплексы определены как впускные.

Отказ от тасмолинской версии позволил южно-уральским исследователям иначе взглянуть на типовые различия. Единодушным стало мнение о существовании ведущих курганов с «усами» только 1 и 3 типов, выделенных

А. З. Бейсеновым. Под сомнение была поставлена реальность типа 2, поскольку эта форма появилась в результате пристройки кургана с «усами» к насыпи более ранней эпохи. Очевидные факты двойной стратиграфии или разнокультурной и одновременной планиграфии проявляются не только для пристроенного комплекса типа 2, но и для ряда памятников с одной насыпью.³⁰

Таким образом, опыт типологии курганов с «усами»³¹ показывает, что главными признаками типовых различий являются планиграфия центрального сооружения, относительная хронология составляющих его элементов и их функции (погребальная, поминальная). С 1990-х гг. единодушным стало мнение о том, что простейшей формой кургана с «усами» является комплекс с одной центральной насыпью.³² Реже встречается разновидность с двумя или более насыпями, сооруженные одновременно. В то же время, осо-

²⁷ Бейсенов 1996, 39.

²⁸ Бейсенов 1996, 40.

²⁹ Бейсенов 1996, 40.

³⁰ Боталов–Таиров–Любчанский 2006, 91.

³¹ Маргулан и др. 1966, 307–309; Бейсенов 1996, 35–40; Боталов–Таиров–Любчанский 2006, 14–21; Боталов 2000, 292; Боталов 2009, 366.

³² Бейсенов 1996, 40; Боталов–Таиров–Любчанский 2006, 20, 21.

бенно в Центральном Казахстане, существовала устойчивая традиция возведения комплекса с «усами» на площадках ранних могильников и их пристройки к ранним сооружениям (тип 2 А. З. Бейсенова). Известны также случаи переиспользования ранних насыпей и включение этой насыпи в ансамбль центрального сооружения.

Эти обстоятельства создавали и до сих пор создают ряд трудностей, влияющих в конечном итоге на культурно-хронологическую интерпретацию курганов с «усами» (в плане продолжающейся дискуссии о тасмолинской или раннесредневековой принадлежности). Таким образом, главной задачей типологии является идентификация всего комплекса кургана с «усами», включающий его обрядовые традиции, и выявление инокультурных элементов.

Основываясь на выводах челябинских исследователей, нам кажется, что типология должна быть основана на двух взаимодополняющих друг друга аспектах. Первый – количество и расположение курганов центрального сооружения. Второй – установление факта участия (или отсутствие такового) ранней насыпи в ансамбле кургана с «усами». Что касается наличия человеческих захоронений, то они, ввиду их исключительности,³³ должны быть рассмотрены индивидуально, с учетом возможности их отнесения как к кургану с «усами», так и к сооружению ранней эпохи. Сам факт погребения не является типобразующим признаком. В предлагаемой схеме планиграфию комплекса обозначают римские цифры, а индексы «а», «б», «в» отражают участие объекта ранней эпохи (рис. 4).

Тип Ia демонстрирует типичную картину жертвенно-поминальных традиций курганов с «усами», главными чертами которых являются каменная архитектура насыпи, отсутствие человеческих погребений, установка сосудов в материковом углублении при почти устойчивом отсутствии иного предметного комплекса, остатки костров, кости животных (как правило,

лошади). Типологическая близость керамики, узкие радиоуглеродные даты (речь о которых пойдет ниже), согласующиеся с типологической датировкой предметного комплекса в пределах V–VII вв., позволяют идентифицировать простейший тип курганов – тип Ia. Именно этот тип следует считать индикатором историко-культурного комплекса курганов с «усами», к чему единогласно пришли исследователи на современном этапе.

Единовременные комплексы с двумя и тремя насыпями составляют типы IIa и IIIa. При том, что подкурганный обряд имеет такой же характер, что и в предыдущем типе, они отличаются количеством насыпей. Особенно показателен исследованный на современном уровне комплекс Солончанка I, который демонстрирует сходство обряда всех трех насыпей, планиграфическую цельность комплекса и отсутствие инокультурного материала.³⁴

Тип Ib и IIb характеризуется тем, что комплексы сооружены на погребальных курганах более ранней эпохи, при этом подкурганный обряд на древнем горизонте совпадает с обычным обрядом курганов с «усами» (Тасмола, Кайнсай, Кара-Бие, Толагай, Карамурун, Большое Чебачье, Джанайдар).³⁵ В качестве показательного примера необходимо отметить комплекс Тасмола (курган 19), который, исходя из описаний раскопок,³⁶ сооружен на насыпи более ранней эпохи, в которой первоначально было совершено раннесакское захоронение. Необходимо сказать, что именно эта группа памятников привлекается сторонниками тасмолинской концепции в качестве эпонимных, определяющих датировку всех курганов с «усами».

Такую же ситуацию, но в более стандартизированной планиграфической форме демонстрирует тип Iv. Весь ансамбль представляет собой большой курган ранней эпохи, к которому с восточной стороны пристроен комплекс с «усами». В целом они приведены и проанализированы

³³ Бейсенов 1996, 39.

³⁴ Любчанский–Таиров 1999.

³⁵ Грязнов 1956, 9–10, рис. 1. 2; Кадырбаев 1958, 96–99, табл. 1–2, рис. 1; Кадырбаев 1959а, 169–173, рис. 7; Маргулан и др. 1966, 355–357, рис. 48–49; Боталов–Таиров–Любчанский 2006, 56–57, рис. 38; Оразбаев 1969.

³⁶ Кадырбаев 1962, 71–77.

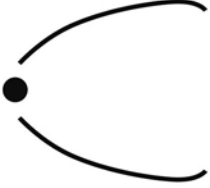
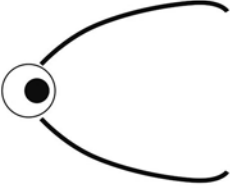
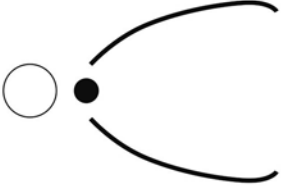
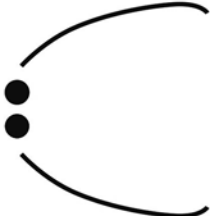
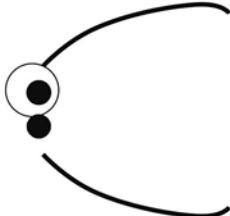
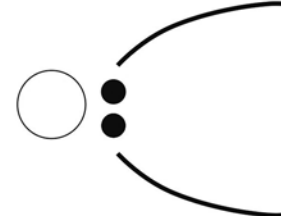
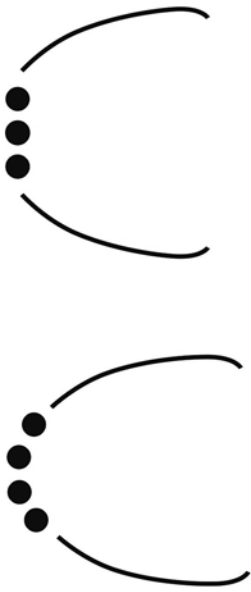
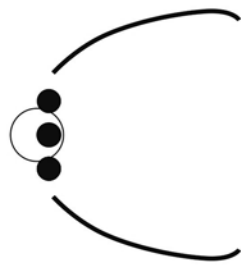
	а	б	в
I			
II			
III			

Рис. 4. Типология курганов с «усами». Планиграфия и относительная хронология
4. kép. A 'bajszos' kurgánok tipológiája. Alaprajz és relatív időrend

в монографии южноуральских исследователей.³⁷ Здесь хотелось бы остановиться на новых и недавно введенных материалах двух центрально-казахстанских комплексов – 37 воинов и Назар. Первый в основном исследован еще в 1952.³⁸ Он состоит из кургана с «усами», большого кургана с кольцевой оградой и ряда 37 выкладок с северной стороны (рис. 5. I). Недавно исследования возобновлены А. З. Бейсеновым, который раскопал одну из северных выкладок с дромосной могилой (рис. 5. II).³⁹ Из нее получена радиоуглеродная дата, определяющая вероятное время совершения погребения в пределах VIII–V вв. до н. э. Известен также сосуд, относящийся к комплексу с «усами», точная локализация которого, судя по первой публикации М. К. Кадырбаева, не ясна (рис. 5. III).⁴⁰ Сам сосуд имеет типологическое сходство с керамическим материалом других курганов с «усами»⁴¹ и не имеет аналогов в более раннее время. Вполне вероятно, что кольцевая ограда большого кургана была разобрана и на этом месте сооружен головной курган комплекса с «усами». То есть, имеющиеся данные позволяют говорить, как минимум, о двух хронологических горизонтах. К наиболее раннему следует относить цепочку северных выкладок (или часть выкладок) и большой курган. Ко второму – курган с «усами» и керамический сосуд.

В комплексе Назар также прекрасно прослеживается факт разновременной и разнокультурной ситуации. Он состоит из большого (раннего) кургана, окруженного кольцевой каменной оградкой. Разрыв кольцевой оградки фиксируется в восточной части – там, где помещен малый курган с «усами». На общем плане до раскопок малый курган немного перекрывает восточную полу насыпи большого кургана, что указывает на относительную последовательность этих сооружений.⁴² В малом кургане, на древней поверх-

ности обнаружена донная часть лепного сосуда и кинжал, тяготеющий к гуннскому времени IV–V вв. н. э. В большом кургане открыто дромосное погребальное сооружение, отнесенное к раннесакскому периоду VIII–VI вв. до н. э.⁴³ Еще два кургана того же времени (Назар-2) находились в 3 км к востоку. Их ранняя дата подтверждается наличием аналогичных дромосных конструкций, бронзовым наконечником стрелы и радиоуглеродными датами.⁴⁴ Но в насыпь одного из этих курганов было впущено погребение V в. с мечом и колчаном из железных ромбических наконечников стрел.⁴⁵ Таким образом, здесь довольно уверенно прослеживается раннесакский горизонт, в рамках которого оставлены все большие курганы с дромосными погребениями. И поздний – впускное погребение V в. и курган с «усами».

Обсуждая специфическую особенность подтипов «б» и «в», т. е. разновременных, необходимо еще раз подчеркнуть, что курганы с «усами» воздвигались на площадках могильников или непосредственно на курганах раннего времени, причем зачастую были пристроены с восточной стороны. При этом, надо полагать, насыпь ранней эпохи входила в архитектурный ансамбль средневекового кургана с «усами», что, в конечном счете, повлияло на неверную культурно-хронологическую идентификацию памятников. Эта традиция имеет региональную особенность и хорошо проявляется в Центральном и Восточном Казахстане. Менее заметна эта традиция в западных районах – Тургай и Зауралье, где курганы с «усами» в большинстве случаев имеют автономную локализацию.

Таким образом, все типы курганов с «усами», если отбросить очевидные инокультурные элементы, объединяются схожими признаками, которые заключались в одноразовом наземном

³⁷ Боталов–Таиров–Любчанский 2006, 76–91.

³⁸ Кадырбаев 1958, 99.

³⁹ Бейсенов 2015а.

⁴⁰ Кадырбаев 1958, 99.

⁴¹ Боталов–Таиров–Любчанский 2006, 122, 125–127, рис. 68, 7–13.

⁴² Бейсенов 2016, 85, 90, 91, рис. 2–3.

⁴³ Бейсенов 2016, 86, 88.

⁴⁴ Бейсенов 2016, 87, табл. 3.

⁴⁵ Бейсенов–Китов 2013; Бейсенов 2016, 86.

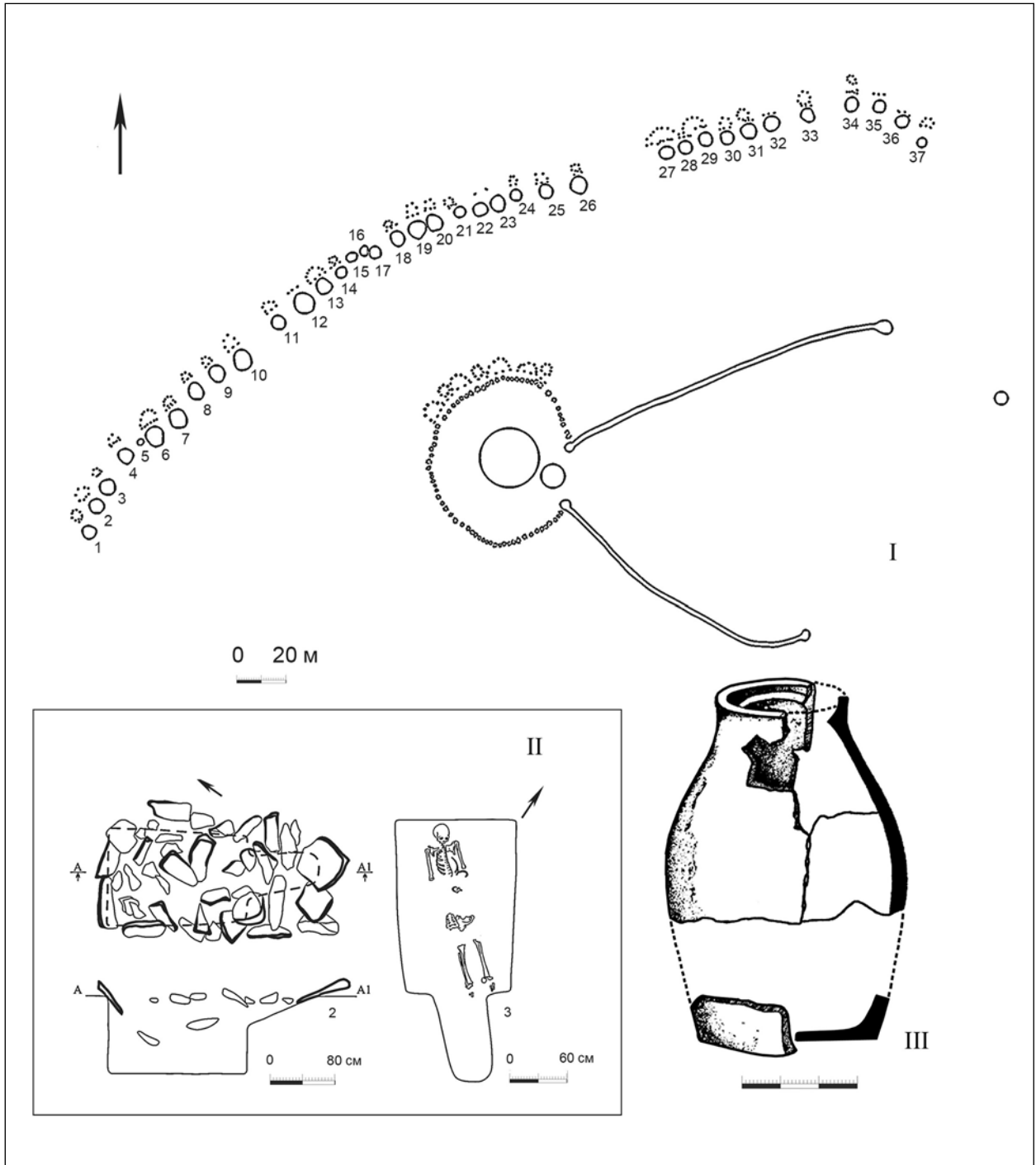

Рис. 5. Курган с «усами» 37 воинов (Корпетај). I: Общий план ансамбля; II: Могильная яма из кургана 11; III: Сосуд из кургана с «усами» (по Бейсенов 2015б; Кадырбаев 1958)

5. kép. 'Bajszos' kurgán 37 harcos sírjával (Korpetaj). I: a leletegyüttes áttekintő térképe; II: A 11. kurgán sírgödre; III: Kerámialelet a 'bajszos' kurgánból (Бейсенов 2015б; Кадырбаев 1958)

жертвенно-поминальным акте. В «чистом» виде они проявляются в подтипах «а» (Ia, IIa, IIIa). В исключительных случаях в них совершались человеческие захоронения (Канаттас, Зевакино).

Выделенные типы (I, II, III) отличаются количеством насыпей, но функционально объединяются теми же жертвенно-поминальными традициями.

ХРОНОЛОГИЯ

Неоднозначная трактовка предметного комплекса, а также его малое количество привело к неоднозначному пониманию культурной и хронологической принадлежности курганов с «усами». Поэтому привлечение иных способов установления хронологии, прежде всего радиоуглеродного датирования, для этой категории памятников особенно актуально. База по радиоуглеродной хронологии (по Южному Зауралью) начала формироваться в последнее десятилетие⁴⁶ и на сегодняшний день насчитывает семь

дат, происходящих из шести памятников: Городищенское IX, Суходол, Сарбулат, Рымникский, Кайнсай, Селенташ (*табл. 1*).

Одним из критериев отбора стало использование материала из центральной насыпи комплекса, а в одном случае уголь получен с площадки западного окончания северной гряды комплекса Городищенский IX. Судя по планиграфии и материалам раскопок, выбранные объекты напрямую указывают на время строительства комплексов курган с «усами» (*рис. 6*).

Таблица 1. Радиоуглеродная хронология курганов с «усами»
1. táblázat. A 'bajszos' kurgánok radiokarbonos kronológiája

Памятник	Комплекс	Шифр лаборатории	Материал	Конвенцион. дата	Калиброванная дата	
					68,20%	95,40%
Сарбулат	курган 2	Ki-15634	керамика	1540±80	420–590AD (68.2%)	350–660AD (95.4%)
Суходол	курган 5	Le-8303	кость	1550±100	410–610AD (68.2%)	250–300AD (2.5%) 320–670AD (92.9%)
Кайнсай	курган 14	Ki-15635	керамика	1470±80	430–450AD (2.7%)	400–690AD (95.4%)
					470–490AD (4.2%)	
					530–660AD (61.2%)	
Городищенское IX	курган 1Б	SPb-535	уголь	1460±50	560–645AD (68.2%)	430–490AD (6.8%) 530–670AD (88.6%)
Рымникский		SPb-957	кость	1560±65	420–560AD (68.2%)	380–640AD (95.4%)
Селенташ*	курган 5	Ki-17075	керамика	1760±150	80–420AD (68.2%)	100BC – 650AD (95.4%)
Селенташ*	курган 5	SPb-958	керамика	1530±30	430–490AD (30.8%)	420–600AD (95.4%)
					530–580AD (37.4%)	
		комбинированная дата		1539±29	430–490AD (41.7%) 530–570AD (26.5%)	420–590AD (95.4%)

* вычислена комбинированная дата

Sum All

68.2% probability

420AD (26.4%) 500AD

510AD (41.8%) 620AD

95.4% probability

380AD (95.4%) 670AD

⁴⁶ Боталов 2009а; Боталов 2013, 71; Западный тюркский каганат 2013, 665; Грудочко–Епимахов 2015.

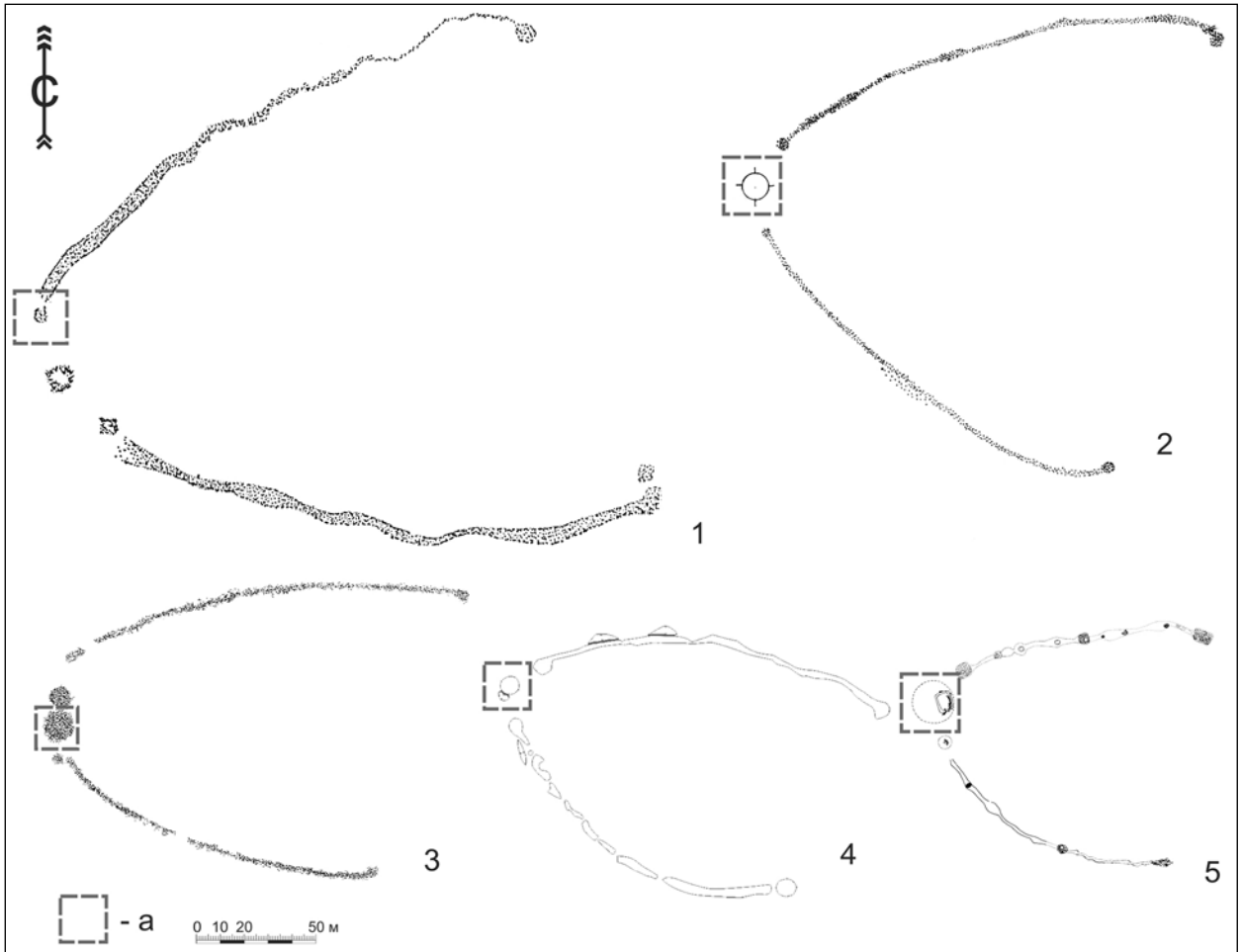

Рис. 6. Курганы с «усами» Южного Урала, датированные радиоуглеродным методом. а: объекты, из которых получены пробы. 1: Городищенское IX; 2: Суходол, курган 5; 3: Сарбулат-1; 4: Рымникский; 5: Кайнсай, курган 14.

6. kép. Radiokarbonos keltezéssel datált dél-uráli 'bajszos' kurgánok. а: Objektumok, amelyekből mintát vettek. 1: Gorogviscsenszkoje IX; 2: Szuhodol 5. kurgán; 3: Szarbulat-1; 4: Rimnyikszkij; 5: Kajnszaj, 14. kurgán

Суммирование вероятностей формирует следующие интервалы. При вероятности 68.2% – 420–620 гг. н.э. (с разрывом), при вероятности 95.4% – 380–670 гг. н.э. Причиной достаточно широких хронологических рамок является особенность калибровочной кривой (так называемое «плато») на участке около 1500BP. Вместе с тем, второй вариант интервала позволяет утверждать с высокой (95.4%) степенью достоверности, что интересующие нас события произошли в промежутке от последних десятилетий IV в. н.э. до второй половины VII в. н.э.⁴⁷

Несколько комплексов дают возможность сравнить данные радиоуглеродного датирования с составом инвентаря. Железные наконечники стрел с ромбической формой боевой головки из центральной насыпи комплекса Городищенский IX датируются не ранее V в. н. э. Причем наличие плоского наконечника указывает на круг аналогий шиповского горизонта,⁴⁸ и, очевидно, позволяет говорить о второй половине V–VI вв. н.э. Время сооружения начала северной гряды по результатам радиоуглеродного анализа соответствует этому значению и исключает более раннюю датировку.

⁴⁷ Грудочко–Епимахов 2015, 536.

⁴⁸ Засецкая 1994, 184, 186–187.

Дата комплекса Кайнсай определена в интервале V–VII вв., а наличие кушнаренковской керамики позволяет сузить нижнюю дату до середины VI в. (подробнее о кушнаренковской керамике будет сказано ниже).

Комплекс Селенташ первоначально был определен в категорию селенташского типа памятников, затем, в 2009 году по аэрофотоснимкам 1976 года на могильнике были зафиксированы два «уса», уничтоженные ко времени раскопок 1988 года. Обнаруженные гряды предлагалось относить к курганам 5 и 6⁴⁹, которые, по работам С. Г. Боталова, задавали основные признаки селенташского типа памятников и связаны, в свою очередь, с традициями курганов с «усами».⁵⁰ После знакомства с отчетом и сравнения аэрофото- и космоснимков необходимо констатировать, что гряды расположены примерно в 130 м к западу от интересующих нас объектов.⁵¹ Впрочем, не исключается существование когда-то «усов» и на курганах 5 и 6, поскольку ко времени осуществления аэрофотосъемки площадка памятника уже была распахана.⁵² Основные признаки этого сооружения хорошо соотносятся с обычными курганами с «усами»: отсутствие погребений, близкое расположение двух насыпей по линии север-юг, наличие вкопанных сосудов в каждой насыпи. К тому же, в 6,5 км к востоку, на том же берегу находится упомянутый могильник Кайнсай, а на другом берегу реки, в 600 м к югу, расположен могильник Крутой Овраг⁵³, тоже содержащий несколько селенташских комплексов и сильно поврежденный распашкой.

Для Селенташа проба ¹⁴C получена с южного кургана 6,⁵⁴ а в северном кургане 5 находилось два сосуда, один из которых кушнаренковский, определяющий датировку не ранее середины VI в.

Кушнаренковская керамика из курганов с «усами» (рис. 7) позволяет выделить более дробные хронологические рамки. Наиболее раннюю позицию занимает фрагмент из северного кургана 5 комплекса Селенташ. Наличие ряда оттисков штампа в виде полулунниц («гусеничек») между резными горизонтальными линиями, а также слегка расширяющаяся кверху прямая шейка имеет признаки первого этапа кушнаренковской керамики (по Е. П. Казакову). Фрагмент из Кайнсая характеризуется отсутствием полулунного штампа, наличием горизонтальных линий и двойного зигзага в нижней части орнамента и отогнутой наружу шейкой, т. е. признаками второго (маняжского) этапа кушнаренковской керамики (по Е. П. Казакову). Абсолютные рамки раннего этапа определяются Е. П. Казаковым второй половиной VI – первой третью VII вв. а второго – второй третью VII–VIII вв.⁵⁵ Г. И. Матвеева удревняет нижнюю границу до начала VI в., распределяя два этапа на VI и VII вв., кушнаренковский и маняжский соответственно.⁵⁶ Основной круг аналогий раннего этапа представлен в погребениях Бирского могильника (№№ 78, 104, 107, 165, 176, 195), наиболее древним из которых является № 78 с хоботковидной пряжкой, серьгой харинского типа и № 107 с аналогичной пряжкой.⁵⁷ В № 165 Бирска и во II Береговском кургане похожая керамика сочеталась с шиповской и раннегеральдической гарнитурой,⁵⁸ в связи с чем первый этап должен быть датирован преимущественно VI в. и, по-видимому, доходить до начала VII в. Керамика второго этапа происходит из погребений Маняжского могильника (раскоп I, погр. 22; раскоп II, погр. 9), Новотурбаслинского (курган 10, п. 1), Кушнаренковского (погр. 9), которые по геральдическим деталям датируются VII в.⁵⁹

⁴⁹ Боталов 2009а, 128.

⁵⁰ Боталов 1996; Боталов–Тайров–Любчанский 2006, 102–109; Боталов 2009, 395–409, 472–473.

⁵¹ Боталов 1989.

⁵² Для уточнения данного факта необходим повторный осмотр площадки памятника, запланированный во время подготовки настоящей статьи.

⁵³ Боталов 1996, 148–150.

⁵⁴ Приведена нумерация курганов по отчету об археологических исследованиях (Боталов 1989).

⁵⁵ Казаков 2013, 174.

⁵⁶ Матвеева 2007, 76–77.

⁵⁷ Матвеева 2007, 76.

⁵⁸ Мажитов 1968, 124, табл. 5. 24, 25, 30, 34; Горбунов 1984, 57, рис. 2.

⁵⁹ Матвеева 2007, 76, 82, рис. 3; Мажитов 1981, 10, 14, рис. 4. 11–19, рис. 6. 16, 17.

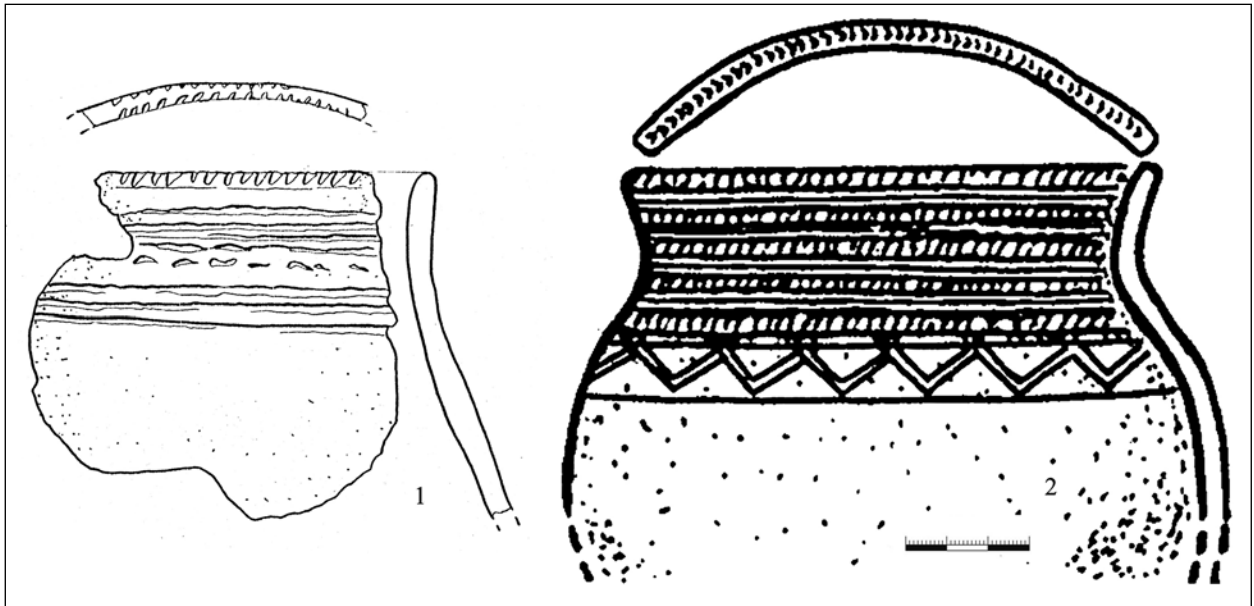

Рис. 7. Керамика кушнаренковского типа из курганов с «усами» Южного Зауралья. 1: Селенташ, курган 5; 2: Кайнсая, курган 14 (по Боталов 1989; Боталов–Таиров–Любчанский 2006)

7. kép. Kusnarenkovói típusú kerámia az úralontúli 'bajszos' kurgánokból. 1: Szelentas, 5. kurgán; 2: Kajnszaj, 14. kurgán (Боталов 1989; Боталов–Таиров–Любчанский 2006)

Таким образом, предпочтительная дата селенташского образца (рис. 7. 1) может быть очерчена VI в., в том числе на основании данных ^{14}C с верхней границей до 590 г. (95,4%). Керамика из Кайнсая (рис. 7. 2) на основании типологического сходства с манянской группой может быть помещена в рамки VII в., чему не противоречит радиоуглеродное значение (1470 ± 80).

Комплексы Суходол и Сарбулат,⁶⁰ демонстрирующие типичный для большинства курганов с «усами» обряд – установка сосуда в северо-восточном секторе, кости животных, наличие кострища (в Сарбулате), при отсутствии датированного инвентаря, имеют близкие радиоуглеродные даты, не противоречащие общей колонке радиоуглеродных значений.

Такую же хронологическую позицию занимает комплекс Рымникский. К сожалению, курган вовсе не содержал никаких вещей, но в архитектуре имеет такую редкую деталь как грунтовые гряды, что позволяет нам обратить-

ся к Солончанке I, содержащий в центральных насыпях (южном и северном кургане) богатый инвентарь (пряжки, украшения, наконечники стрел и др.), определяющий общую датировку в пределах V в. н. э. Наличие такой функциональной детали как пряжки с хоботковидным язычком (рис. 8. 2–4) достоверно предшествуют шиповскому горизонту, ограничиваясь в своей верхней дате не позднее второй половины V в. Уздечное украшение из северного кургана (рис. 8. 5) соотносится с новогригорьевским и занимает относительно позднюю позицию,⁶¹ так же, как и овалы украшения (рис. 8. 7–8), аналогичные деталям кинжала из погребения Борового в Северном Казахстане.⁶² Последние имеют азиатское происхождение, а дата боровского комплекса определяется V – началом VI в.⁶³ По нашему мнению, нижняя дата последнего должна быть ограничена примерно серединой V в. Колчаный набор, основу которого составляют ромбические трехлопастные железные на-

⁶⁰ Боталов–Таиров–Любчанский 2006, 39, 40, 59–62; Боталов 2009а, 131, 133, рис. 2–3.

⁶¹ Засецкая 1994, 162, 165; Любчанский–Таиров 1999, 29.

⁶² Бернштам 1951, 219.

⁶³ Засецкая и др. 2007, 89, 90.

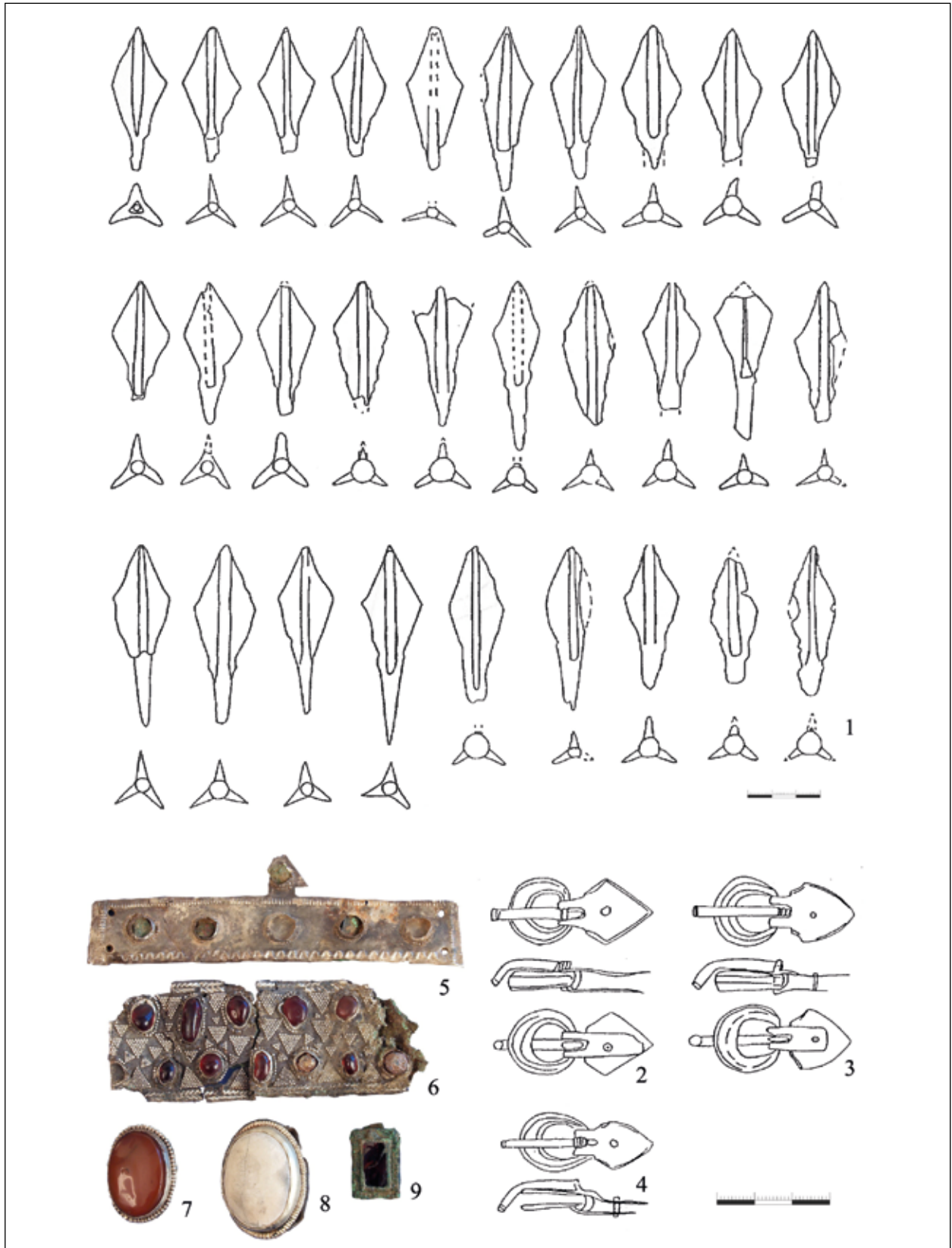

Рис. 8. Предметный комплекс кургана с «усами» Солончанка I. 1: Наконечники стрел; 2–4: пряжки; 5–9: Украшения (по Любчанский–Тайров 1999; фото: С. М. Арканов)

8. kép. A Szoloncsanka I. 'bajszos' kurgán mellékletei. 1: Nyílhegyek; 2–4: Csatok; 5–9: Díszítmények (Любчанский–Тайров 1999; фото: Sz. M. Arkanov)

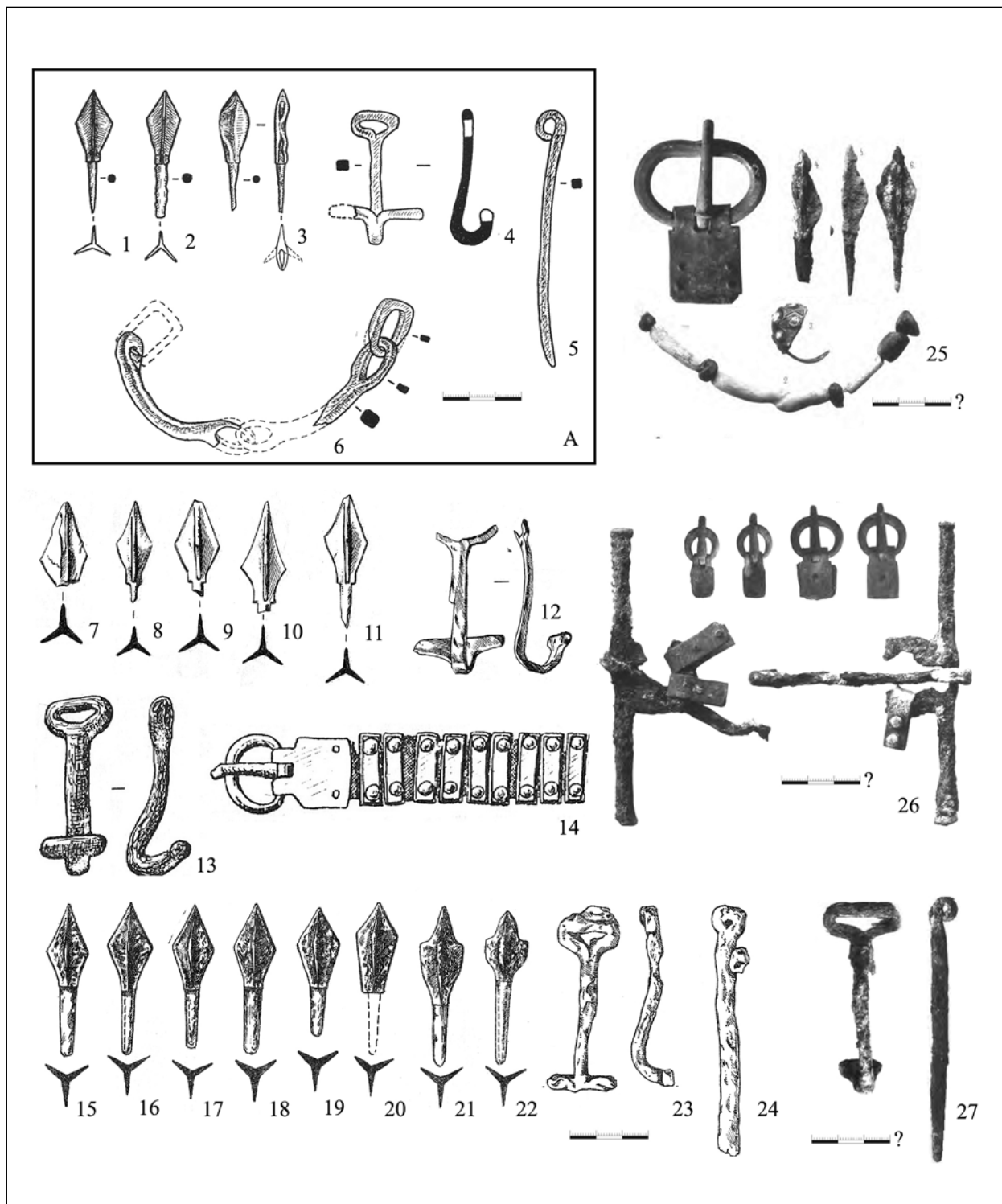

Рис. 9. Предметный комплекс кургана с «усами» Султантемировский (А) и его аналогии. 1–6: Султантемировский; 7–12: Новогригорьевка; 13–14: Кубей; 15–24: Кызыл-Адыр; 25–27: Мертвые Соли (по СУНГАТОВ 2003; ЗАСЕЦКАЯ 1994; НЕФЕДОВ 1899)

9. kép. A szultanyemirovszkiji 'bajszos' kurgán mellékletei (A) és azok párhuzamai. 1–6: Szultanyemirovszkij; 7–12: Novogrigojjevka; 13–14: Kubej; 15–24: Kizil-Adir; 25–27: Mjortvije Szoli (СУНГАТОВ 2003; ЗАСЕЦКАЯ 1994; НЕФЕДОВ 1899)

конечники (рис. 8. 1), оформляется не ранее V в. и имеет аналогии в ряде памятников гуннской эпохи⁶⁴ и джетысарских погребениях конца V – первой половины VI в.⁶⁵ Таким образом, дата Солончанки I в целом может быть помещена в рамки V в., с вероятным уточнением до второй четверти V в.⁶⁶

Довольно определенную позицию занимает предметный комплекс из памятника Султантемировский. В составе колчанного набора присутствовали аналогичные солончанским ромбические наконечники стрел (21 экз.) (рис. 9. 1–3), а также железный колчаный крюк и стержень с загнутым концом (рис. 9. 4, 5).⁶⁷ Колчаные крюки с поперечной планкой получил развитие в V в. и в сочетании с ромбическими наконечниками прослеживается по серии памятников того же времени (рис. 9).⁶⁸ Необходимо отметить, что в приуральских Мертвых Солях и Кызыл-Адыре такие крюки сочетается с другим функциональным предметом – железным стержнем (рис. 9. 23–27).⁶⁹ Ранее V в. крюки с поперечной планкой и ромбические трехлопастные наконечники стрел

в урало-казахстанских степях и западней не встречаются, зато хорошо представлены в булан-кобинских комплексах Алтая, в Туве, Забайкалье в первой половине I тыс. н. э.⁷⁰ Исчезновение поперечной планки фиксируется уже на кызыл-ташском (и, по-видимому, на кудыргинском) этапе⁷¹ и впоследствии вовсе исчезает, что наблюдается, например, в памятниках Среднего Поволжья VII–VIII вв.⁷²

Таким образом, данные радиоуглеродной хронологии, а также предметный комплекс южноуральских курганов с «усами» (Городищенское IX, Кайнсай, Селенташ, Солончанка I, Султантемировский) позволяют очертить период их сооружения временем от последних десятилетий IV до второй половины VII вв. н. э. Ряд предметов отражает определенные новации в материальной культуре и военном деле. По-видимому, появление курганов с «усами» связано с продвижением нового населения из восточных территорий, освоившее урало-казахстанские степи предварительно с конца IV – начала V вв. н. э. Дальнейшие исследования, возможно, позволят скорректировать и уточнить предложенные рамки.

⁶⁴ ЗАСЕЦКАЯ 1994, 163, 165, 181, 183, 184, 186, 187, 188, 190.

⁶⁵ ЛЕВИНА 1996, 199, 287, рис. 92. 19, 21, 35, 37, 44, 46, 47, 50, 51, 56–68, 9, 163–166, рис. 28.

⁶⁶ КОМАР 2013, 105.

⁶⁷ СУНГАТОВ 2003, 217, 223, рис. 5.

⁶⁸ ЗАСЕЦКАЯ 1994, 165, 188, 192.

⁶⁹ НЕФЕДОВ 1899, 29; ЗАСЕЦКАЯ 1994, 188.

⁷⁰ ТИШКИН–МАТРЕНИН 2012, 131, 132.

⁷¹ ТИШКИН–СЕРЕГИН 2011, 25, рис. 4.

⁷² БАГАУТДИНОВ–БОГАЧЕВ–ЗУБОВ 1998, 119–120, рис. 26. 20–25.

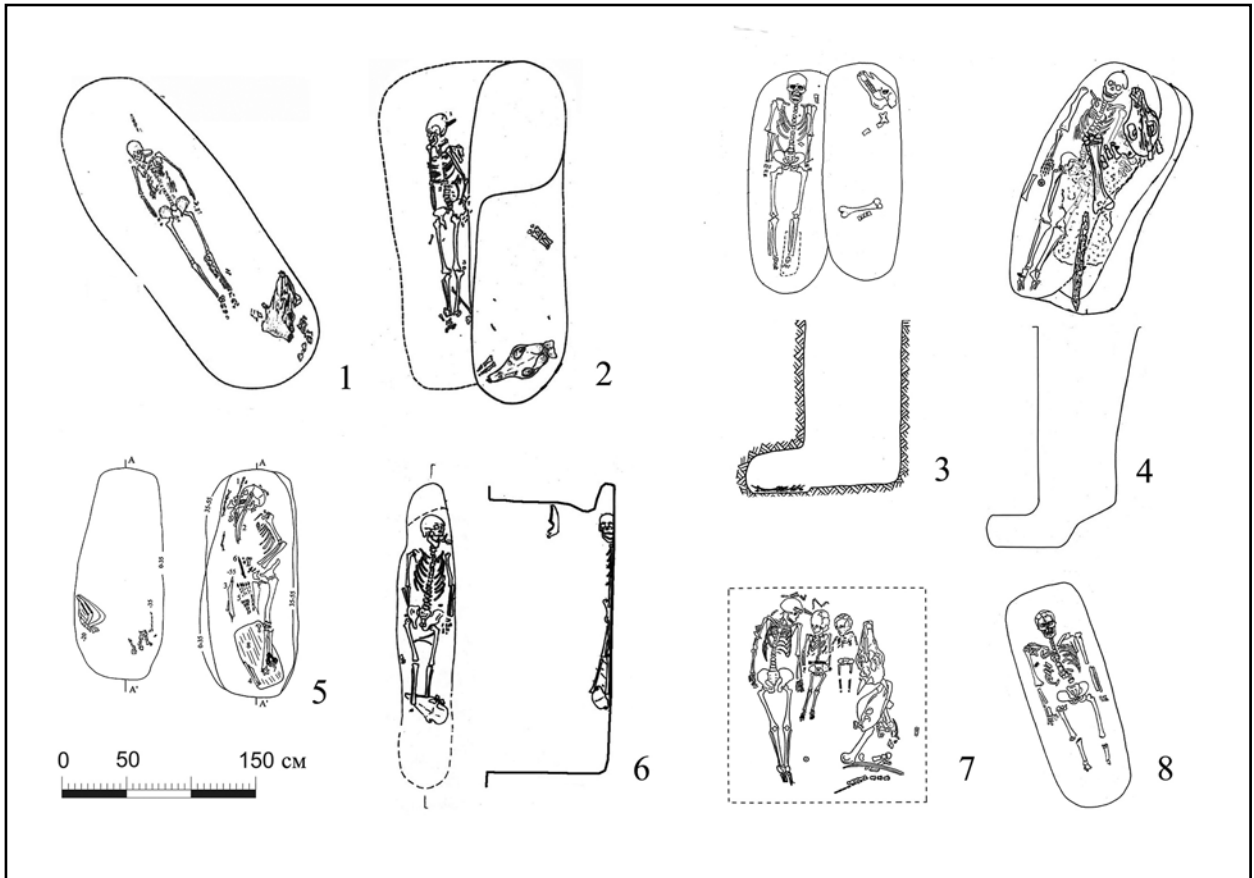
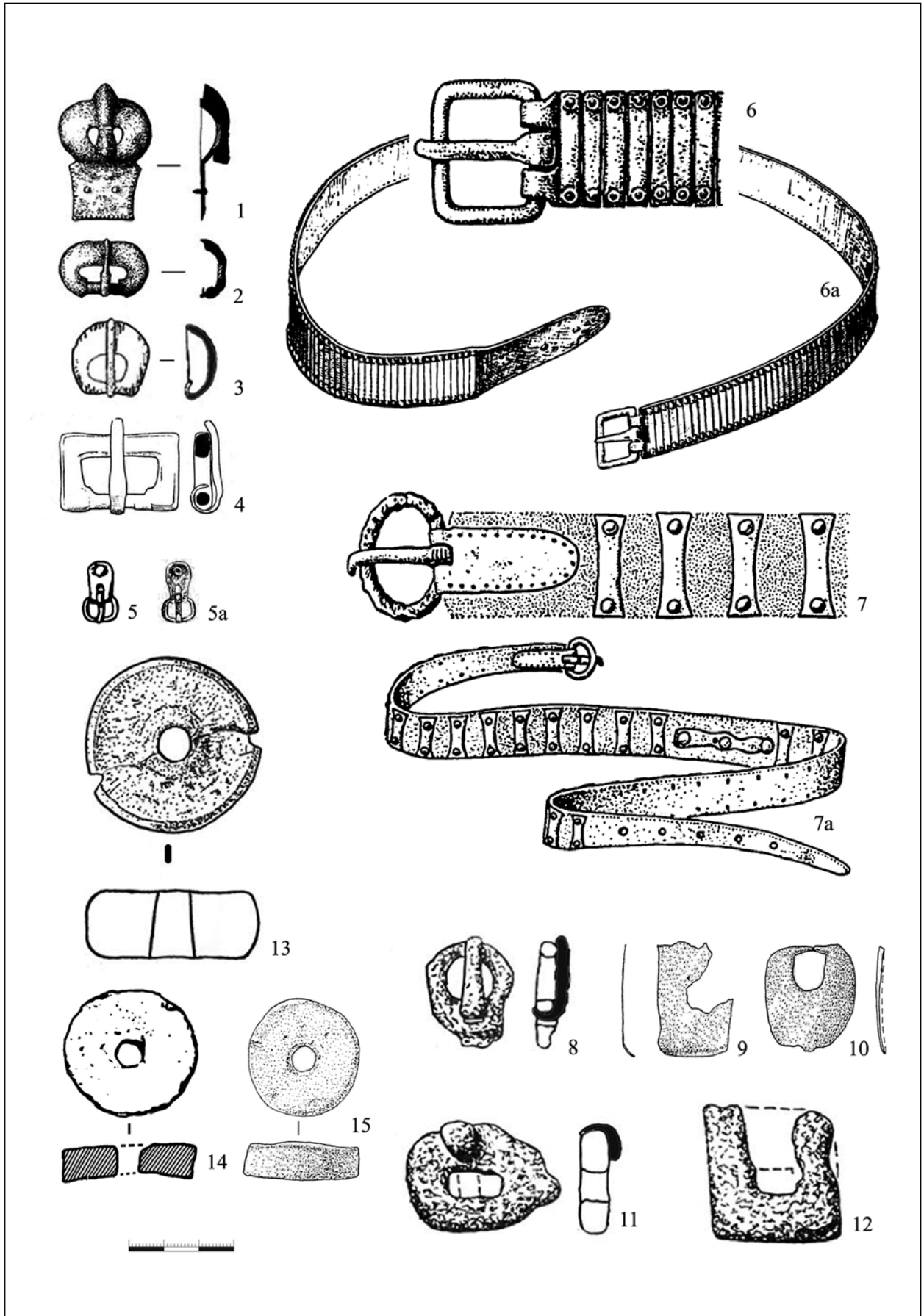

Рис. 10. Погребальные памятники V–VI вв. урало-казахстанских степей. 1: Каменный Амбар, курган 5; 2: Каменный Амбар, курган 6; 3: Енбекшил, курган 2; 4: Городищенское IX курган 5; 5: Халвай; 6: Аркаим; 7: Канаттас, курган 19; 8: Назар (по Бейсенов–Веселовская 2013; Бейсенов–Китов 2013; Боталов 2009; Кадырбаев 1959а; Костюков 1995; Шевнина–Логвин 2015)

10. kép. 5–6. századi temetkezések az uráli és kazah sztyeppről. 1: Kamennij Ambar, 5. kurgán; 2: Kamennij Ambar, 6. kurgán; 3: Jenbeksil, 2. kurgán; 4: Gorogyiscsenszkoje IX. 5. kurgán; 5: Halvaj; 6: Arkaim; 7: Kanattasz, 19. kurgán; 8: Nazar (Бейсенов–Веселовская 2013; Бейсенов–Китов 2013; Боталов 2009; Кадырбаев 1959а; Костюков 1995; Шевнина–Логвин 2015)

Рис. 11. Инвентарь из погребальных памятников V–VI вв. урало-казахстанских степей. 1, 2: Каменный Амбар, курган 6; 3, 8, 11, 12: Аркаим; 5, 6, 14: Канаттас, курган 19; 7: Зевакино, курган 1; 13: Городищенское IX, курган 5; 9, 10, 15: Енбекшил, курган 2; 5/5а: варианты прорисовок пряжки из кургана 19 могильника Канаттас; 6а: реконструкция пояса (Канаттас, курган 19); 7а: реконструкция пояса (Зевакино, курган 1) (по Bóna 1991; Археологическая карта Казахстана 1960; Бейсенов–Веселовская 2013; Бернштам 1951; Боталов 2009; Кадырбаев 1959а)

11. kép. 5–6. századi temetkezések mellékletei az uráli és kazah sztyeppről. 1, 2: Kamennij Ambar, 6. kurgán; 3, 8, 11, 12: Arkaim; 5, 6, 14: Kanattasz, 19. kurgán; 7: Zevakino, 1. kurgán; 13: Gorogyiscsenszkoje IX, 5. kurgán; 9, 10, 15: Jenbeksil, 2. kurgán; 5/5a: A kanattaszi 19. kurgánból előkerült csatrol készült rajzvázlatok; 6a: A kanattaszi 19. kurgánból előkerült öv rekonstrukciója; 7a: A zevakinói 1. kurgánból előkerült öv rekonstrukciója (Bóna 1991; Археологическая карта Казахстана 1960; Бейсенов–Веселовская 2013; Бернштам 1951; Боталов 2009; Кадырбаев 1959б)

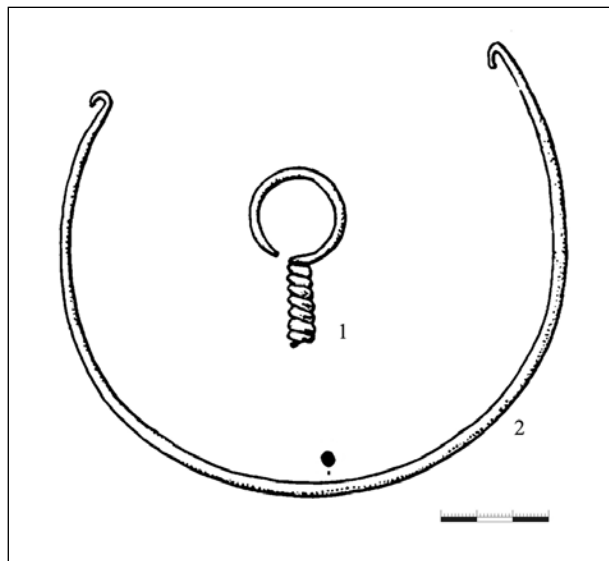

Рис. 12. Украшения из Зевакино (курган 1).
1. Серьга; 2. Гривна (по BONA 1991; Арсланова 1975)

12. kép. Ékszerek a zevakinói 1. kurgánból.
1: Fülbevaló; 2: Torques (BONA 1991; Арсланова 1975)

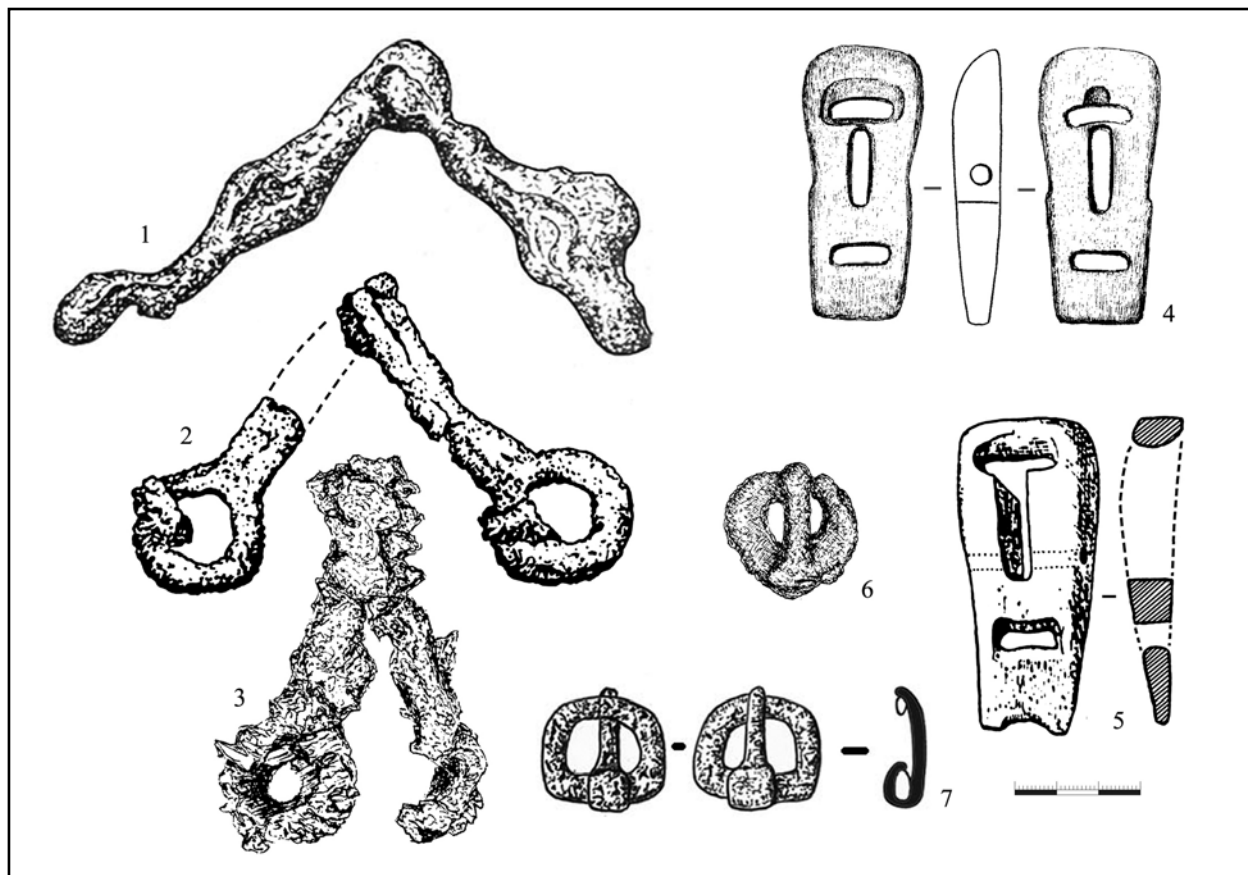

Рис. 13. Предметы конской упряжи из погребальных памятников V–VI вв. урало-казахстанских степей. 1: Аркаим;
2, 5: Канатмас (курган 19); 3, 4, 6: Халвай; 7: Городищенское IX (курган 5)
(по Боталов 2009; Кадырбаев 1959а; Шевнина–Логвин 2015)

13. kép. 5–6. századi temetkezésekből származó lószerszámok az uráli és kazah sztyeppről. 1: Arkaim; 2, 5: Kanattasz
19. kurgán; 3, 4, 6: Halvaj; 7: Gorogyiscsenszkoje IX. 5. kurgán (Боталов 2009; Кадырбаев 1959а; Шевнина–Логвин 2015)

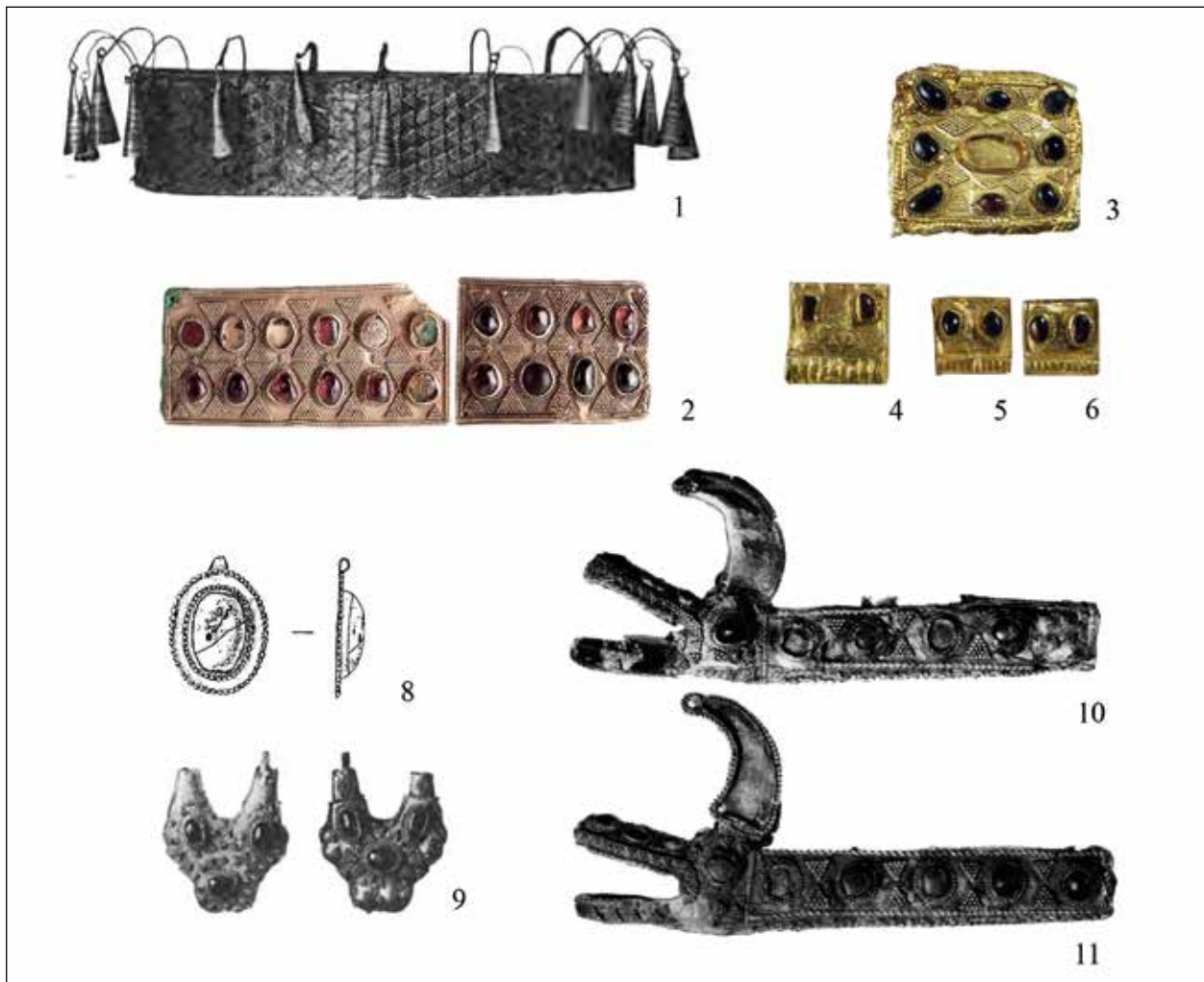

Рис. 14. Украшения в полихромном стиле из погребальных памятников V – начала VI вв. Центрального и Северного Казахстана (без масштаба). 1, 9–11: Кара-Агач; 2: Канаттас, курган 19; 3–6: Боровое (Щучье); 8: Енбекшил, курган 2 (по ЗАСЕЦКАЯ 1975; КОЗЫРЕВ 1905; САМАШЕВ 2013; СКАЛОН 1962)

14. kép. 5. századi és 6. század eleji temetkezésekből származó polikróm stílusú díszítmények Kazahsztán központi és északi területeiről (méretarány nélkül). 1, 9–11: Kara-Agacs; 2: Kanattasz, 19. kurgán; 3–6: Borovoje (Scsucyje); 8: Jenbeksil, 2. kurgán (ЗАСЕЦКАЯ 1975; КОЗЫРЕВ 1905; САМАШЕВ 2013; СКАЛОН 1962)

ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ТРАДИЦИИ

Погребальные комплексы, связанные с интересующим нас населением, составляют немногочисленную серию, но вместе с тем, расположены в ареале курганов с «усами» (рис. 1. А). В Зауралье известно пять погребений,⁷³ в Центральном Казахстане – четыре,⁷⁴ по одному – в Восточном и Северном Казахстане.⁷⁵

Данные погребальные традиции характеризуются тем, что захоронения не образуют могильников, они расположены одиночно, либо, в двух случаях, впущены в насыпь ранней эпохи. Их объединяет северная ориентировка, в трех случаях зафиксированы подбойные конструкции (рис. 10). Новацией обряда можно считать погребение шкуры лошади на приступке или рядом с

⁷³ Костюков 1995; Боталов 2009а, 129, 132, 135, рис. 5; Шевнина–Логвин 2015, 152–163.

⁷⁴ Козырев 1905; Кадырбаев 1959а, 179–182; Бейсенов–Веселовская 2013; Бейсенов–Китов 2013.

⁷⁵ Бернштам 1951; Арсланова 1975, 117–118.

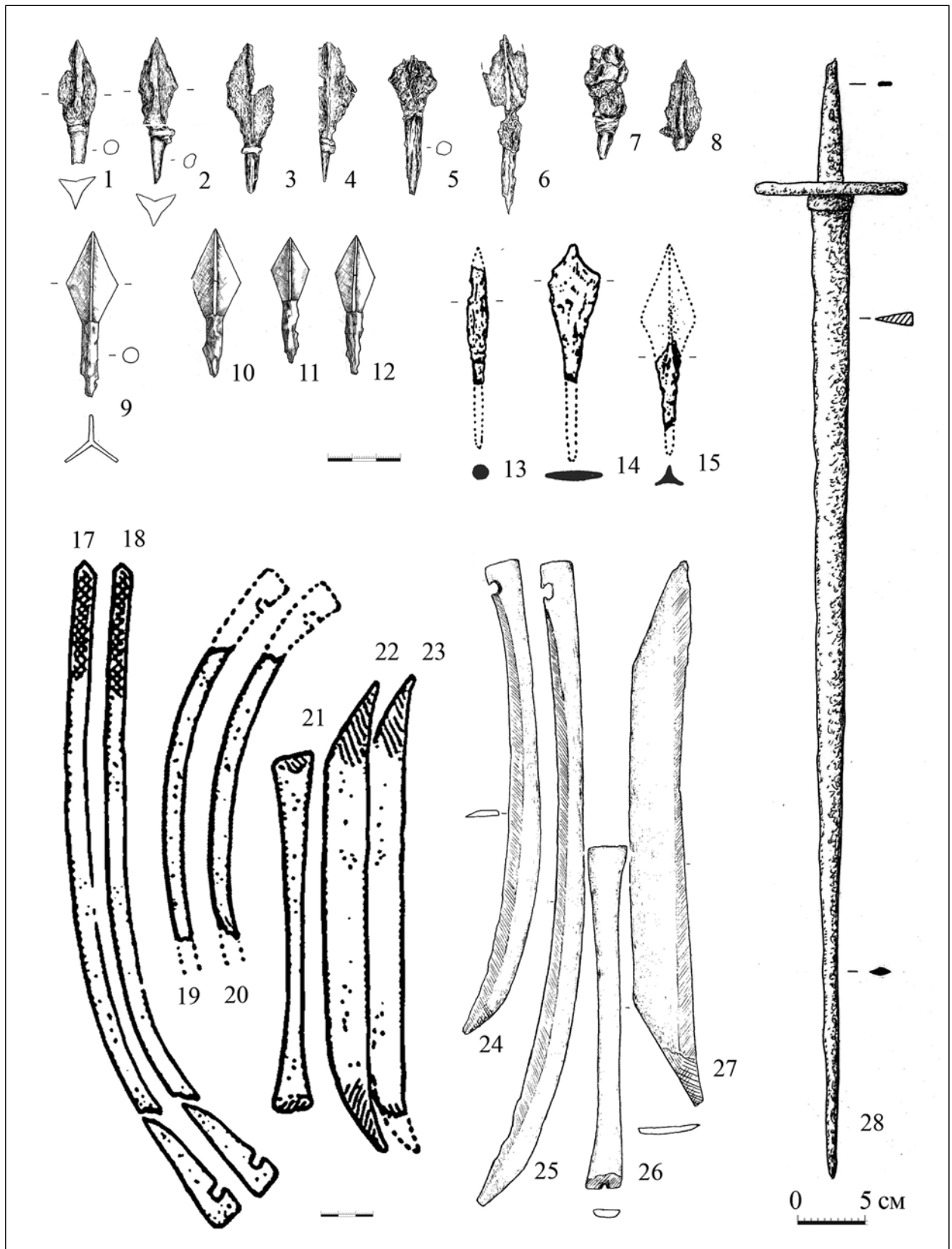

Рис. 15. Предметы вооружения из погребальных памятников V–VI вв. урало-казахстанских степей. 1–8, 24–27: Халвай; 13–23: Зевакино, курган 1; 9–12, 28: Назар (по Bóna 1991; Арсланова 1975; Бейсенов–Китов 2013)
 15. kép. 5–6. századi temetkezésekből származó tárgyak az uráli és kazah sztyepről. 1–8, 24–27: Halvaj; 13–23: Zevakino, 1. kurgán); 9–12, 28: Nazar (Bóna 1991; Арсланова 1975; Бейсенов–Китов 2013)

погребенным. Обычно она фиксируется по наличию черепа, костей конечностей и хвостовых частей. В впускном погребении Назар костей лошади не было. В Кара-Агаче А. А. Козырев констатирует «неполный костяк лошади».⁷⁶

Предметный комплекс представлен стандартными для эпохи поясными наборами, украшениями, предметами конской упряжи, вооружением (рис. 11–15). Наиболее раннюю позицию занимают украшения зевакинского погребения, которые, судя по одинцовским аналогиям, датируются второй половиной IV – первой половиной V вв. (рис. 12).⁷⁷ Предметы конской упряжи представлены пряжками, двусоставными удилами (рис. 13). Показательны две костяные пряжки (Канатгас и Халвай) (рис. 13. 4, 5), которые наряду с указанными воинскими новациями также распространяются в V в.⁷⁸ Такими же рамками следует датировать Канатгас и Кара-Агач, некоторые вещи из которых находят аналогии в Шамси с верхней датой в начале VI в.⁷⁹ и покровским комплексом начала – первой половины VI в.⁸⁰ По-видимому, новшеством можно считать использование прямоугольнорамчатых поясных пряжек (рис. 11. 4, 6). Позднее датируется Каменный Амбар с пряжками предгеральдического облика – в рамках VI в., возможно, ближе к середине VI в. (рис. 11. 1, 2).

В целом, обсуждая соотношение погребальных памятников и курганов с «усами», можно говорить о хронологической синхронности и схожести материальной культуры. Не случайно, что полихромные украшения «гуннской эпохи» в урало-казахстанских степях обнаруживаются как в курганах с «усами», так и в обычных погребениях. Локализация последних совпадает с географией курганов с «усами», а в двух случаях захоронения совершены под центральными насыпями комплексов с «усами» (Канатгас, Зевакино). Конечно, первое, что бросается в

глаза, это явное количественное несоответствие погребений и курганов с «усами», их разбросанность и одиночность. Вместе с тем, такие же признаки отчасти характеризуют манеру оставлений самих курганов с «усами», которые часто не образуют курганных групп («могильников») и в большинстве расположены одиночно. «Случайность» погребений в данном случае не должна смущать и ассоциироваться с неблагоприятной ситуацией в степи или промежуточным характером в движении кочевников на запад. Напротив, стабильная обстановка обеспечивала кочевникам свободную жизнедеятельность, при которой была возможность так же свободно выбирать места захоронений или мероприятий, связанных с постройками курганов с «усами». Нельзя также исключать другие формы погребений, которые не могут быть зафиксированы археологически. Что касается функции курганов с «усами», то создается впечатление, что они не были связаны с погребальной практикой (с исключениями) и в целом должны рассматриваться как ритуальные комплексы иного назначения. Также, благодаря большому количеству этих памятников можно более определенно представить демографическую насыщенность региона в V–VII вв. н.э.

Культурно-хронологический горизонт, который маркируют курганы с «усами» в урало-казахстанских степях, сменяет гунно-сарматский примерно в конце IV – начале V вв. и явно отличается от последнего по ряду признаков. Вероятно, именно курганы с «усами» маркируют огурскую эпоху в урало-казахстанских степях. Финал горизонта, видимо, относится ко второй половине VII в. н. э. и, очевидно, прослеживается по исчезновению погребений с северной ориентировкой и появлению нового населения, практикующее западную (Нуринское, Ащитасты, Бобровский) и восточную (Жарлы, Егиз-Койтас, Чиликты) ориентировки погребенных.⁸¹

⁷⁶ КОЗЫРЕВ 1905, 32.

⁷⁷ АРСЛАНОВА 1975, 124, 126; КАЗАКОВ 1996, 170; БОТАЛОВ–ТАИРОВ–ЛЮБЧАНСКИЙ 2006, 121.

⁷⁸ ДАШЕВСКАЯ 1995, 57, 61, рис. 3. 8.

⁷⁹ ЗАСЕЦКАЯ и др. 2007, 85.

⁸⁰ КОМАР 2000, 44.

⁸¹ БОТАЛОВ 2009, 411, 414; ХАСЕНОВА 2015.

ЛИТЕРАТУРА

- АРСЛАНОВА 1975: Арсланова, Ф. Х.: Курганы с «усами» Восточного Казахстана. В: *Древности Казахстана*. Алма-Ата 1975, 116–129.
- АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КАРТА КАЗАХСТАНА 1960: *Археологическая карта Казахстана*. Реестр. сост.: Агеева, Е. И. – Акишев, К. А. – Кушаев, Г. А. – Максимова, А. Г. – Сенигова, Т. Н. Отв. ред.: Акишев, К. А. Алма-Ата 1960.
- БАГАУТДИНОВ–БОГАЧЕВ–ЗУБОВ 1998: Багаутдинов, Р. С. – Богачев, А. В. – Zubov, С. Э.: *Праболгары на Средней Волге (у истоков истории татар Волго-Камья)*. Самара 1998.
- БЕЙСЕНОВ 1996: Бейсенов, А. З.: Культурно-ритуальные сооружения древних кочевников Центрального Казахстана. Известия министерства науки Академии Наук Республики Казахстан. *Серия: общественные науки* 1996:2, 31–40.
- БЕЙСЕНОВ 1997: Бейсенов, А. З.: *Погребальные памятники и культурно-ритуальные сооружения древних кочевников Центрального Казахстана (VII–I вв. до н. э.)*. Автореферат дисс. канд. ист. наук. Алматы 1997.
- БЕЙСЕНОВ 2015: Бейсенов, А. З.: Изучение памятников I тыс. до н. э. Центрального Казахстана. В: *Казахское ханство в потоке истории: Сборник научных статей, посвященный 550-летию образования Казахского ханства*. Отв. ред.: Байпаков, К. М. Алматы 2015, 521–533.
- БЕЙСЕНОВ 2015а: Бейсенов, А. З.: Погребально-поминальный комплекс «Курган 37 воинов». *Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Социально-гуманитарные науки»* 2015: 1, 6–12.
- БЕЙСЕНОВ 2015б: Бейсенов, А. З.: Центральный Казахстан в раннем железном веке. В: *Историческая и социально-образовательная мысль*. 2015:6/2, 22–31.
- БЕЙСЕНОВ 2016: Бейсенов, А. З.: Дромосные курганы сакской эпохи урочища Назар (Центральный Казахстан). *Самарский научный вестник* 2016:1, 84–93.
- БЕЙСЕНОВ–ВЕСЕЛОВСКАЯ 2013: Бейсенов, А. З. – Веселовская, Е. В.: Погребение гуннского времени из могильника Енбекшил (Центральный Казахстан). В: *Гуннский форум. Проблемы происхождения и идентификации культуры евразийских гуннов: сборник научных трудов*. Отв. ред.: Крадин, Н. Н. – Любчанский, И. Э. Челябинск 2013, 446–461.
- БЕЙСЕНОВ–КИТОВ 2013: Бейсенов, А. З. – Китов, Е. П.: Впускное погребение гуннского времени из могильника Назар-2 (Центральный Казахстан). В: *Гуннский форум. Проблемы происхождения и идентификации культуры евразийских гуннов: сборник научных трудов*. Отв. ред.: Крадин, Н. Н. – Любчанский, И. Э. Челябинск 2013, 462–467.
- БЕЙСЕНОВ И ДР. 2017: Бейсенов, А. З. – Логвин, А. В. – Базарбаева, Г. А. – Грудочко, И. В. – Сеитов, А. М.: Курганы с каменными грядами Западной Сарыарки. В: *Археологическое наследие Центрального Казахстана: изучение и сохранение. Сборник научных статей, посвященный 70-летию организации Центрально-Казахстанской археологической экспедиции Академии наук Казахстана 2*. Отв. ред.: Бейсенов, А. З. – Ломан, В. Г. Алматы 2017, 38–49.
- БЕРНШТАМ 1951: Бернштам, А. Н.: Находки у оз. Борового в Казахстане. В: *Сборник музея антропологии и этнографии* 13. Отв. ред.: Толстов, С. П. 1951, 216–229.
- БОТАЛОВ 1989: Боталов, С. Г.: *Исследования могильников Крутой Овраг и Селенташ в зоне сооружения Андреевского водохранилища в Брединском районе Челябинской области*. Челябинск 1989.
- БОТАЛОВ 1996: Боталов, С. Г.: Памятники селенташского типа в Южном Зауралье. В: *Материалы по археологии и этнографии Южного Урала: труды музея-заповедника Аркаим*. Науч. ред.: Зданович, Г. Б. – Таиров, А. Д. Челябинск 1996, 148–158.
- БОТАЛОВ 2000: Боталов, С. Г.: Поздняя древность и средневековье. В: *Древняя история Южного Зауралья. Ранний железный век и средневековье*. Отв. ред.: Иванова, Н. О. Челябинск 2000.

- БОТАЛОВ 2009: Боталов, С. Г.: *Гунны и тюрки (историко-археологическая реконструкция)*. Челябинск 2008.
- БОТАЛОВ 2009а: Боталов, С. Г.: Позднегуннское или раннетюркское время в заволжских и урало-казахстанских степях. В: *Этнические взаимодействия на Южном Урале: сборник научных трудов*. Отв. ред.: Таиров, А. Д. – Иванова, Н. О. Челябинск 2009, 128–138.
- БОТАЛОВ 2013: Боталов, С. Г.: О гуннах европейских и гуннах азиатских. В: *Гуннский форум. Проблемы происхождения и идентификации культуры евразийских гуннов: сборник научных трудов*. Отв. ред.: Крадин, Н. Н. – Любчанский, И. Э. Челябинск 2013, 32–87.
- БОТАЛОВ–ТАИРОВ–ЛЮБЧАНСКИЙ 2006: Боталов, С. Г. – Таиров, А. Д. – Любчанский, И. Э.: *Курганы с «усаами» урало-казахстанских степей*. Челябинск 2006.
- ГОРБУНОВ 1984: Горбунов, В. С.: Курганы кушнаренковского типа в Южной Башкирии. В: *Памятники кочевников Южного Урала: Сборник научных трудов*. Отв. ред.: Иванов, В. А. Уфа 1984, 55–59.
- ГРУДОЧКО–ЕПИМАХОВ 2015: Грудочко, И. В. – Епимахов, А. В.: Хронология курганов с «усаами»: сравнительный анализ радиоуглеродных и археологических датировок. В: *Казахское ханство в потоке истории: Сборник научных статей, посвященный 550-летию образования Казахского ханства*. Отв. ред.: Байпаков, К. М. Алматы 2015, 534–541.
- ГРЯЗНОВ 1956: Грязнов, М. П.: Северный Казахстан в эпоху ранних кочевников. *Краткие сообщения Института истории и материальной культуры* 61 (1956) 8–16.
- ДАШЕВСКАЯ 1995: Дашевская, О. Д.: Погребение гуннского времени на городище Беляус. В: *Памятники Евразии скифо-сарматской эпохи*. Отв. ред.: Могильников, В. А. Москва 1995, 56–61.
- ЕРМОЛЕНКО–КУРМАНКУЛОВ–КАСЕНОВА 2015: Ермоленко, Л. Н. – Курманкулов, Ж. К. – Касенова, А. Д.: Новые данные о специфической разновидности изваяний сакской эпохи. *Вестник Кемеровского государственного университета* 2015: 1, 26–32.
- ЗАПАДНЫЙ ТЮРКСКИЙ КАГАНАТ 2013: Голден, П. – Осава, Т. – Ташагыл, А. – Баяр, Д. – Боталов, С. – Яценко, С. – Кубарев, В. – Кубарев, Г. – Тотев, Б. – Комар, А. – Бабаяров, Г. – Табалдиев, К. – Самашев, З. – Новоженев, В. – Базылхан, Н.: *Западный тюркский каганат. Атлас*. Рук. проекта: Досымбаева, А. – Жолдасбеков, М. Астана 2013.
- ЗАСЕЦКАЯ 1975: Засецкая, И. П.: *Золотые украшения гуннской эпохи. По материалам Особой кладовой Государственного Эрмитажа*. Ленинград 1975.
- ЗАСЕЦКАЯ 1994: Засецкая, И. П.: *Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху*. Санкт-Петербург 1994.
- ЗАСЕЦКАЯ И ДР. 2007: Засецкая, И. П. – Казанский, М. М. – Ахмедов, И. Р. – Минасян, Р. С.: *Морской Чулек: Погребение знати из Приазовья и их место в истории племен Северного Причерноморья в постгуннскую эпоху*. Санкт-Петербург 2007.
- ЗДАНОВИЧ И ДР. 2003: Зданович, Г. Б. – Батанина, И. М. – Левит, Н. В. – Батанин, С. А.: *Археологический атлас Челябинской области. Степь-лесостепь. Кизильский район 1*. Челябинск 2003, 256.
- КАДЫРБАЕВ 1958: Кадырбаев, М. К.: О некоторых памятниках ранних кочевников Центрального Казахстана. *Известия Академии наук Казахской ССР. Серия истории, археологии и этнографии* 1958:1, 95–104.
- КАДЫРБАЕВ 1959: Кадырбаев, М. К.: Исследования кургана с каменными грядами в Джамбульской области. *Вестник Академии наук Казахской ССР* 1959:7, 89–97.
- КАДЫРБАЕВ 1959а: Кадырбаев, М. К.: Памятники ранних кочевников Центрального Казахстана. *Труды Института истории, археологии, этнографии Академии наук Казахской ССР* 1959:7, 162–203.
- КАДЫРБАЕВ 1962: Кадырбаев, М. К.: Новые материалы по истории ранних кочевников Казахстана. *Известия Академии наук Казахской ССР. Серия истории, археологии и этнографии* 1962:1, 70–83.

- КАЗАКОВ 1996: Казаков, А. А.: К вопросу о формировании одинцовской культуры (по материалам погребальных комплексов Барнаульско-Бийского Приобья). В: *Погребальный обряд древних племен Алтая. Сборник научных трудов*. Отв. ред.: Кирюшин, Ю. Ф. – Кунгуров, А. Л. Барнаул 1996, 166–177.
- КАЗАКОВ 2013: Казаков, Е. П.: Мадыяры и волжские болгары: этапы взаимодействия. В: *II-й Международный мадыярский симпозиум: сборник научных трудов*. Отв. ред.: Боталов, С. Г. – Иванова, Н. О. Челябинск 2013, 173–181.
- КОЗЫРЕВ 1905: Козырев, А. А.: Раскопка кургана в урочище Кара-Агач Акмолинского уезда. *Известия Императорской археологической комиссии* 16. Санкт-Петербург 1905, 27–36.
- КОМАР 2000: Комар, А. В.: Актуальные проблемы хронологии материальной культуры гуннского времени Восточной Европы. В: *Степи Европы в эпоху средневековья: Сборник научных статей* 1. Гл. ред.: Евглевский, А. В. Донецк 2000, 19–53.
- КОМАР 2013: Комар, А. В.: Комплекс из Макартета и ритуальные памятники гуннского времени. В: *Проблемы происхождения и идентификации культуры евразийских гуннов: сборник научных трудов*. Отв. ред.: Крадин, Н. Н. – Любчанский, И. Э. Челябинск 2013, 88–109.
- КОСТЮКОВ 1995: Костюков, В. П.: Раннесредневековые курганы могильника Каменный Амбар-5. В: *Курганы кочевников Южного Урала*. Отв. ред.: Агеев, Б. Б. Уфа 1995, 151–160.
- КУКУШКИН 2004: Кукушкин, И. А.: Курганы с «усами»: семантический аспект. В: *Новые исследования по археологии Казахстана: труды научно-практической конференции «Маргулановские чтения-15»*. Алматы 2004, 33–37.
- ЛЕВИНА 1996: Левина, Л. М.: *Этнокультурная история Восточного Приаралья. I тысячелетие до н.э. – I тысячелетие н. э.* Москва 1996.
- ЛОМАН И ДР. 2004: Ломан, В. Г. – Бейсенов, А. З. – Евдокимов, В. В. – Толеуов, Т. С.: *Археологическая карта Каркаралинского района Карагандинской области*. Алматы 2004.
- ЛЮБЧАНСКИЙ 1998: Любчанский, И. Э.: Хронологические аспекты комплексов «курганов с усами» евразийских степей. В: *Культуры евразийских степей второй половины I тыс. н. э. (вопросы хронологии): Материалы II международной археологической конференции*. Отв. ред.: Сташенков, Д. А. Самара 1998, 303–310.
- ЛЮБЧАНСКИЙ–ТАИРОВ 1999: Любчанский, И. Э. – Таиров, А. Д.: Археологические исследования комплекса Курган с «усами» Солончанка I. В: *Курган с «усами» Солончанка I: Сборник научных трудов*. Отв. ред.: Таиров, А. Д. Челябинск 1999, 5–62.
- МАЖИТОВ 1968: Мажитов, Н. А.: *Бахмутинская культура. Этническая история населения Северной Башкирии середины I тысячелетия нашей эры*. Москва 1968.
- МАЖИТОВ 1981: Мажитов, Н. А.: *Курганы Южного Урала VIII–XII вв.* Москва 1981.
- МАМЕДОВ 2015: Мамедов, А. М.: Комплексы курганов с «усами» Западного Казахстана. В: *Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов степной Евразии. Сборник научных статей, посвященный памяти археолога Кимая Акишевича Акишева*. Отв. ред.: Бейсенов, А. З. Алматы 2015, 160–165.
- МАРГУЛАН 1949: Маргулан, А. Х.: Отчет о работах Центрально-казахстанской археологической экспедиции 1947 года. *Известия АН КазССР, серия археологическая* 67 (1949: 2), 3–36.
- МАРГУЛАН И ДР. 1966: Маргулан, А. Х. – Акишев, К. А. – Кадырбаев, М. К. – Оразбаев, А. М.: *Древняя культура Центрального Казахстана*. Алма-Ата 1966.
- МАТВЕЕВА 2007: Матвеева, Г. И. О культурном и хронологическом соотношении памятников кушнареновского и кара-якуповского типов. В: *Средневековая археология евразийских степей. Материалы Учредительного съезда Международного конгресса* 2. Отв. ред.: Хузин, Ф. Ш. – Ситдииков, А. Г. Казань 2007, 75–86.

- НЕФЕДОВ 1899: Нефедов, Ф. Д.: Отчет об археологических исследованиях в Южном Приуралье, проведенных летом 1887 и 1888 гг. В: *Материалы по археологии Восточных губерний, издаваемые Императорским Московским Археологическим Обществом* 3. Санкт-Петербург 1899, 1–41.
- ОРАЗБАЕВ 1969: Оразбаев, А. М.: Курган «с усам» в могильнике Джанайдар как архитектурный памятник. В: *Культура древних скотоводов и земледельцев Казахстана*. Алма-Ата 1969, 175–189.
- ПЕРЕСВЕТОВ 2001: Пересветов, Г. Ю.: Некоторые вопросы происхождения тасмолинской культуры (по итогам новых исследований в Павлодарской области). В: *Историко-культурное наследие Северной Азии: Итоги и перспективы изучения на рубеже тысячелетий (Материалы ХLI Региональной археолого-этнографической студенческой конференции*. Барнаул, 25–30 марта 2001 г.). Отв. ред: Тишкин, А. А. Барнаул 2001, 283–285.
- САМАШЕВ 2013: Самашев, З.: *История изобразительного искусства Казахстана. Древность и средневековье. Казахское искусство: в 5-ти томах*. Алматы 2013.
- СВОД ПАМЯТНИКОВ 2007: *Свод памятников истории и культуры Республики Казахстан. Северо-Казахстанская область*. Алматы 2007.
- СКАЛОН 1962: Скалон, К. М.: *Изображение дракона в искусстве IV–V веков. Сообщения Государственного Эрмитажа* 22. Ленинград 1962, 40–43.
- СОРОКИН 1981: Сорокин, С. С.: К вопросу о толковании внекурганых памятников ранних кочевников Азии. В: *Археологический сборник Государственного Эрмитажа* 22. Под ред. Пиотровского, Б. Б. Ленинград 1981, 23–39.
- СУНГАТОВ 2003: Сунгатов, Ф. А.: Султантемировский I курган с «усами». В: *Уфимский археологический вестник* 4. Отв. ред.: Яминов, А. Ф. Уфа 2003, 216–224.
- ТИШКИН–МАТРЕНИН 2012: Тишкин, А. А. – Матренин, С. С.: Колчаные крюки булан-кобинской культуры из памятника Яломан II (Центральный Алтай). *Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология* 2011:7, 25–133.
- ТИШКИН–СЕРЕГИН 2011: Тишкин, А. А. – Серегин, Н. Н.: Предметный комплекс кызыл-ташского этапа тюркской культуры (2-я половина V – 1-я половина VI в. н. э.): традиции и новации. В: *Теория и практика археологических исследований* 6. Отв. ред.: Тишкин, А. А. Барнаул 2011, 14–32.
- ТОКТАРБАЕВА 2013: Токтарбаева, Ж. Н.: Вклад Центрально-Казахстанской археологической экспедиции в исследование раннего железного века. *История и археология* 2013:2 (2013). Доступ: <http://history.snauka.ru/2013/06/766> (дата обращения: 20.04.2016).
- ТОЛЕУБАЕВ–БЕЙСЕНОВ–ОМАРОВ 1998: Толеубаев, А. Т. – Бейсенов, А. З. – Омаров, Г. К.: Курганы с каменными грядами на северных склонах Тарбагатай. В: *Проблемы изучения и сохранения исторического наследия: сб. ст. посвящ. памяти А. М. Оразбаева*. Отв. ред.: Бейсенов, А. З. Алматы 1998, 218–224.
- УМИТКАЛИЕВ 2015: Умиткалиев, У. У.: Курганы с «усами» как место проведения древних традиционных обрядов и обычаев. В: *Великий Шелковый путь и Казахское ханство на рубеже тысячелетий: Сборник материалов Международной историко-археологической конференции*. Отв. ред.: Сурыков, Е. Б. Тараз 2015, 109–113.
- УСМАНОВА 1987: Усманова, Э. Р.: Новые материалы по эпохе кочевников из Джезказганской области. В: *Ранний железный век и средневековье Урало-Иртышского Междуречья*. Отв. ред.: Зданович, Г. Б. Челябинск 1987, 99–105.
- ХАБДУЛИНА 2007: Хабдулина, М. К.: Тасмолинская археологическая культура: современное состояние. *Вопросы истории и археологии Западного Казахстана* 2007:2 (7) 181–194.
- ХАСЕНОВА 2015: Хасенова, Б. М.: Курган тюркского времени могильника Ащитасты 27 в Тургае. В: *Древний Тургай и Великая Степь: часть и целое. Сборник научных статей, посвященный 70-летнему юбилею Виктора Николаевича Логвина*. Отв. ред.: Бейсенов, А. З. Костанай–Алматы 2015, 212–222.

Чиндин 1989: Чиндин, А. Ю.: Археологические исследования на территории Карагандинской и Джезказганской области. В: *Кадырбаевские чтения (сборник материалов конференции)*. Алма-Ата 1989, 234–237.

ШЕВНИНА–ЛОГВИН 2015: Шевнина, И. В. – Логвин, А. В.: Могильник эпохи бронзы Халвай III в Северном Казахстане. В: *Материалы и исследования по археологии Казахстана 7*. Отв. ред.: Самашев, З. Астана 2015.

BÓNA 1991: Bóna, I.: *Das Hunnenreich*. Budapest 1991.